

A photograph of two surgeons in an operating room. They are wearing blue scrubs, green surgical caps, and white masks. They are standing over a patient who is lying on a table, covered with a blue drape. The surgeon on the left is holding a surgical instrument. In the background, there are medical monitors and equipment. The title 'КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ' is written in large, bold, black letters at the top. The author's name 'Владимир Жуков' is written in red letters below the title. The word 'САРКОМА' is written in large, bold, red letters at the bottom. A circular logo with '18+' is in the bottom right corner.

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

САРКОМА

18+

Владимир Жуков

Саркома

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Жуков В. А.

Саркома / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман по мотивам реальной истории, которая для автора в период его службы заместителем начальника милиции города Д. могла обернуться трагедией. По морально-этическим соображениям имена действующих лиц изменены.

Содержание

1. Жезл, как бита	5
2. Жестокий клинч	11
3. Табу на информацию	17
4. Грубый шантаж	22
5. Партийный приказ	25
6. Холодный прием	29
7. На «ковер» с докладом	35
8. Размолвка и отчуждение	39
9. Персоны в обкоме	43
10. Перед сложной дилеммой	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

I. Жезл, как бита

С раннего утра Калач дважды набирал номер телефона второго секретаря райкома партии. Длинные гудки в трубке давали понять, что хозяин кабинета отсутствует или не желает поднимать трубку. И третья попытка, предпринятая через пятнадцать минут, не увенчалась успехом. Он достал из внутреннего кармана кожаной куртки цветную фотографию, с которой взирало милое лицо брюнетки с карими глазами и чувственным ртом.

«Эх, Лариса, Лариса, когда ты перестанешь меня огорчать? – прошептал он, опасаясь, что кто-то может подслушать. – Знать бы, изменила ты мне с этим напыщенным и самоуверенным хряком или это лишь злые сплетни? Не зря видно говорят, что красивая жена это чужая любовница, потому что очень нелегко ей устоять от искушения и похоти. Бывают же исключения, когда женщина красива, умна и верна своему супругу по крышку гроба».

Вячеслав Георгиевич еще несколько минут, словно под гипнозом, пристальным и недоверчивым изучал до боли знакомые черты лица. Пытался проникнуть в мир ее мыслей, сокровенных планов и надежд, но тщетно, поскольку не обладал способностями экстрасенса и прочих ясновидцев. С досадой, но бережно, чтобы не помять, спрятал фото в карман. Прикурил спичкой сигарету, что делал крайне редко, лишь в ситуациях сильного волнения, тревоги и огорчения. Бросил окуроч в тяжелую стеклянную пепельницу.

В третий раз позвонил, теперь уже в приемную райкома и, слышав женский голос, не представившись, строго спросил:

– Где Александр Петрович Слипчук?

– На совещании в обкоме партии, – ответила секретарь-машинистка. – Путь неблизкий, поэтому на зорьке выехал с водителем.

– В котором часу совещание?

– В десять ноль-ноль в здании политпросвета.

– Насколько времени рассчитано?

– Я такой информацией не обладаю. У Александра Петровича в Симферополе могут быть и другие важные партийные дела. А также встречи в секретариате и отделах обкома партии, – ответила женщина. Она с опозданием вспомнила, что прежде, чем ответить на вопросы абонента, следует выяснить его личность и должность. Все же с нотками вины поинтересовалась:

– Представьтесь, пожалуйста. С кем имею честь?

– Руководителей района следует знать по голосам, – упрекнул он.

– Лишь второй месяц, как работаю в этой приемной. Еще не всех...

– Тем более, – резко перебил Калач и положил трубку на рычаг. Окинув взглядом просторный кабинет с длинным Т-образным столом с рядами стульев, тумбочку с гирляндой телефонных аппаратов и цветным телевизором «Фотон» в нише книжного шкафа, Вячеслав Георгиевич подумал:

«В сталинский период перед сотрудниками НКВД первые секретари обкомов, райкомов, не говоря уже о председателях областных городских и районных исполкомов, не говоря уже о поселковых и сельских советах, испытывали панический страх и трепет. Дрожали, как осиновый лист на ветру. А нынче с начальниками и сотрудниками милиции мало кто считается».

По пустяковому поводу вызывают на «ковер» в обкомы, горкомы и райкомы партии, рядовые инструктора, курирующие деятельность правоохранительных органов, возомнили себя генералами. Прежде офицер НКВД мог накопать компромат на любого большого партийного функционера и отправить «врага народа» в карьер или на лесоповал. Да были времена, когда Сталин железной десницей управлял великой страной, а народные комиссары и министры Дзержинский, Менжинский, Ягода, Ежов, Берия, Абакумов держали людей в «ежовых

рукавицах». Жаль, что не довелось мне в ту пору жить и кубари на петлицах носить. Передо мною бы партийные гниды глистами извивались.

Это потом уже после смерти вождя свинопас Никита Хрущев, не столько из соображений наказания за политические репрессии, в которых он сам активно участвовал, сколько из чувства мести инкриминировал бывшему кумиру культ личности с ночным выносом тела из мавзолея. А вот рыцарь революции, железный Феликс Дзержинский, – майор перевел взгляд на портрет, висевший на стене, на его креслом, – как и Ленин, остался незапятнанным и ныне является символом, обязательным атрибутом в кабинетах начальников МВД, КГБ, прокуратуры. Его крылатые слова о «горячем сердце, холодной голове и чистых руках чекиста» цитируют ораторы почти на каждом совещании, посвященном борьбе с преступностью и охране общественного порядка.

Однако, куда меня завели рассуждения, экскурс в прошлое. Минул звездный час ВЧК, ГПУ, НКВД и МГБ. Теперь надо считаться с реалиями, с тем, что КПСС является руководящей и направляющей силой советского общества. Но я никому не позволю грубо и бесцеремонно вторгаться в мою личную, семейную жизнь».

Вячеслав Георгиевич нажал одну из кнопок на пульте селекторной связи и велел секретарю своей приемной:

– Анжела, завари кофе без сахара.

– Минуточку, товарищ майор, будет сделано, – пообещала она. Вскоре, миновав узкий тамбур двери, вошла с чашечкой кофе, над которой исходил аромат, в кабинет. Ковалев кивком головы поблагодарил сотрудницу и попросил: – Если кто-нибудь из первых лиц района, позвонит, то ответь, что я занят, либо на выезде.

– Так точно! – по уставу ответила Анжела. Едва за ней закрылась дверь, Вячеслав Георгиевич, прозвонев связкой ключей, открыл дверцу стального сейфа и достал початую бутылку коньяка «Коктебель». Наполнил золотистого цвета напитком стограммовый стакан. Выпил, пригубил кофе и решил: «Что ж, коль нет других вариантов, придется не развязывать, а рубить с плеча этот гордиев узел, пока дело у них не зашло слишком далеко. И сегодня же, откладывать на потом нет смысла.

Итак, начало совещания мне известно и продлится оно не более трех часов. Обкомовские аппаратчики из опасений нажать геморрой, долго засиживаться не любят. Это отчетно-выборные конференции, иногда растягивают на два дня. Но они проводятся не чаще одного-двух раз в течение пятилетки, в основном для избрания делегатов на очередной съезд КПСС. С учетом времени на обратную дорогу Александр Петрович возвратится в свои пенаты не раньше трех-четырёх часов пополудни. Встречу его с «почестями». Будут ему и ковровая дорожка, и оркестр.

Калач потянулся рукой к плоской бутылке с коньяком, но, взглянул на портрет «железного Феликса», воздержался, решил, что для разгона крови ста граммов вполне достаточно.

В два часа пополудни, пройдя мимо дежурной части с оружейной комнатой в фойе районного отдела милиции, майор вышел во внутренний двор здания. Возле служебной «Волги» бежевого цвета его поджидал водитель, сержант Михаил Трошин.

– Табельное оружие при тебе? – спросил начальник.

– Так точно! – милиционер-водитель хлопнул ладонью по кобуре, в которой покоился пистолет Макарова и с удовольствием напомнил. – Я ведь в каком-то смысле не только водитель, но и ваш телохранитель.

– Ни в каком-то, а в самом прямом. Хотя сам за себя могу постоять, но лучше, когда рядом надежное плечо, – заметил офицер – Разные ведь бывают ситуации. По коням!

Трошин запустил двигатель и спросил:

– Что-то серьезное предстоит?

– Возможно, но последствия предвидеть сложно.

– Куда маршрут?

– К автомобильной трассе «Керчь-Феодосия-Симферополь».

Михаил выехал со двора и «Волга» плавно покатила по улицам поселка к его окраине. – Товарищ майор, зачем вам лишний раз рисковать? Для этого есть группа захвата, сотрудники угрозыска. Или сами решили отличиться?

– Я звездной болезнью давно переболел. Это тот случай, когда лишние свидетели не нужны.

– Вы что же, решили сами взять преступника. А вдруг он не один?

– Почему бы и нет, – усмехнулся Вячеслав Георгиевич. – Опыт и навыки есть. Будучи участковым инспектором и оперуполномоченным угрозыска, приходилось обезвреживать злодеев, вооруженных финками и обрезами. Начальник милиции – не красная девица. Он обязан мгновенно реагировать и решительно действовать в любой опасной ситуации. Ты ведь, Михаил, знаешь, что я не канцелярская крыса. Кабинетной, бумажной возне предпочитаю участие в серьезных оперативно-розыскных мероприятиях. Начинал с самой низкой ступеньки.

После службы в армии устроился милиционером ППС, затем окончил Одесскую специальную школу милиции, служил участковым инспектором, оперуполномоченным и начальником угрозыска. На мотоциклах К-750 и МТ-9 в лютый мороз и в зной мотался по сельским дорогам, умирал грабителей, хулиганов, пьяниц, насильников и заработал себе радикулит. Теперь организм, словно барометр, реагирует на смену погоды. Спасаясь баней и сауной. После учебы на заочном отделении Киевской высшей школе милиции назначили заместителем начальника, а ныне начальником районного отдела внутренних дел.

– Вячеслав Гаврилович, вашей биографии, послужному списку можно по-доброму позавидовать, – польстил сержант.

– Не надо завидовать, а следует упорно идти к цели. Причем, не надеясь на протекцию и добрых дядей с генеральскими погонами. У тебя все впереди, если, конечно, не сопьешься.

– Не сопьюсь, употребляю в меру лишь по большим праздникам. И все же, товарищ майор, я бы на вашем месте не подставлял грудь под бандитские пули и ножи, – Это лишь в кинофильмах «Рожденная революцией», «Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут знатоки» и в других все предстает героически и романтично, а в жизни буднично и нередко трагично. Милицию, особенно в праздничные дни, когда народ отдыхает и развлекается, можно сравнить со свадебной лошадью, у которой голова в венке, а круп в мыле...

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Калач. – Точно подмечено. Сам придумал или кто подсказал?

– В гараже анекдоты травили, кто-то из ребят выдал на-гора этот перл.

– Отличный перл. На сотрудников милиции, в отличие от КГБ и прокуратуры, часто летят шишки, нас подставляют, делают козлами отпущения. Мы – не столько блюстители, сколько чернорабочие правопорядка, ассенизаторы, так как круглосуточно имеем дело с деклассированными элементами, отбросами и пороками общества – убийцами, насильниками, грабителями, расхитителями народной собственности, алкоголиками, наркоманами и проститутками. Сотрудники прокуратуры лишь пожидают плоды наших напряженных трудов, повседневной рутины. Отчасти по этой причине существует глухое противоборство не только между министром МВД Николаем Щелоковым и председателем КГБ Юрием Андроповым, но и сотрудниками этих могучих ведомств. Борьба не только за трон генсека, но и место возле этого трона, жестока и бескомпромиссна.

– Товарищ майор, ну ее к лешему большую политику, – отозвался водитель, внимательно наблюдая за дорогой и редкими встречными машинами. – Я знаю, что когда паны дерутся, то у холопов чубы трещат.

– И то верно, меньше знаешь, спокойно спишь, – согласился начальник и за сотню метров до поворота на трассу Феодосия – Симферополь велел:

– Стоп, машина! Приехали.

Михаил, сбавив обороты двигателя, съехал на обочине и нажал на педаль тормоза. Вышли из автомобиля на свежий воздух.

Благоухал июль – макушка лета. Погода установилась солнечная, безветренная. В небе ослепительно-желтым лимоном сияло солнце. От палящих лучей поникли листья на деревьях и кустах, трава и полевые цветы. С левой стороны от дороги, где еще недавно янтарем отливали колосья озимой пшеницы, желтела свежескошенная жесткая стерня. Вдалеке, почти на дымчато-сиреневой линии горизонта, ползал трактор с плугом, за которым черной линией тянулась борозда. Не слышно пения утомленных жарой птиц, все замерло, будто перед грозой. На небе ни одного облачка и земля заждалась дождей.

– Товарищ майор, в эту пору люди плескаются в прохладе моря, нежатся на пляжах, а мы, аборигены, редко пользуемся этой благодатью, – посетовал Михаил. – За сезон удастся лишь три-четыре раза побывать на Азовском море, в Каменке. А ведь я люблю порыбачить в бухте у мыса Казантип. Увлекаюсь ловлей на спиннинг кефали, керченской сельди, камбалы-глоссы, сарганов, ну и конечно, бычков. И не столько ради добычи, сколько ради спортивного интереса.

– А у меня хобби – охота из карабина «Сайга» на кабана, лис и мелкую дичь, – признался начальник. – Только времени на это азартное занятие нет. А насчет отдыха на море, ты совершенно прав. Надо организовать выезд свободных от службы сотрудников, членов их семей на пляж Арабатской стрелки. Поручу это дело замполиту, а то утомил всех своими нудными лекциями. С автобусами проблем не будет, начальник ГАИ подсуетится. А то ведь за бесконечной текучкой дел и лето пролетит.

– Да, когда дел много, то время не течет, а летит, – подтвердил водитель

– Это для малых детишек и больших бездельников летний день кажется вечностью, – произнес Валентин Георгиевич, припомнив пору детства и юности. А сейчас самое утомительное ожидание.

– Кого мы ждем и какова моя роль? – спросил Трошин.

– Одну важную персону. Он будет с водителем. Мне предстоит серьезный мужской разговор. Твоя задача контролировать поведение его водителя. Необходимо будет изолировать его, а возможно и случайных пассажиров, что маловероятно, от вмешательства и каких-либо физических действий. Он ведь тоже, как и ты, охраняет своего шефа. Но я знаю, что Александр Петрович не любит себя стеснять посторонними людьми, поэтому их будет двое.

– Если я не ошибаюсь, то речь о втором секретаре райкома Слипчуке?

– Не ошибаешься. За умение держать язык за зубами, сообразительность и отличное вождение я тебя и ценю, – признался Калач. – Иначе бы поменял на другого извозчика.

«Какая черная кошка между ними пробежала?» – терялся в догадках Михаил, но спросить не решился, ибо предпочитал не совать свой нос в чужие дела и проблемы, тем более чреватые конфликтами и скандалами.

– У тебя монтировка или жезл есть? – спросил начальник.

– Конечно, и запасное колесо в багажнике.

– Колесо мне не потребуется, а вот.., – майор несколько секунд размышлял, на чем остановить выбор, – а вот прочный жезл потребуется. Я в штатской, гражданской одежде, а ты в милицмейской форме. А то ведь на скорости проедут мимо, тогда мой план рухнет. Поэтому придется тебе, Миша, исполнить функции госавтоинспектора. Ты ведь, до того, как я тебя взял водителем, служил в ДПС, дело знакомое?

– Да, служил.

– Надеюсь, что навыки и сноровку гаишника не утратил?

– Не утратил, – без энтузиазма подтвердил сержант, смутно ощутив зловредность отведенной ему роли. Вылез из кабины, открыл багажник и достал из чехла жезл и черно-белыми полосами. Возвратился с ним в салон «Волги».

– Сувенир, реликвия. Ребята подарили перед уходом из ДПС, – сообщил водитель и посетовал. – Тяжелый, будто чугун, рука устает держать. Вожу на всякий пожарный случай.

– Дай-ка, подержу, проверю твой сувенир. Сейчас, как раз тот самый случай, испытаю его в работе, – Вячеслав Георгиевич потянулся рукой к отшлифованной до лоска рукоятке жезла. На ней было выгравировано «Трошин». Похлопал им по ладони левой руки:

– Именной, нестандартный, тяжелый, можно вместо молотка гвозди заколачивать.

– Выточен из мореного дуба, – пояснил сержант. – Я его берегу, как зеницу ока, вроде талисмана, приносящего удачу.

– Прочный, надежный, лучше пластмассового, – оценил Калач. – Тебе, Миша, не помешало бы поступить в специальную школу милиции или в симферопольский автодорожный техникум. За направлением, рекомендациями дело не станет. Это даст шанс дослужиться до начальника отделения ГАИ или МРЭО.

– Поздновато, мне до выслуги лет восемь осталось, – ответил Трошин.

– Учиться никогда не поздно. Станешь офицером с приличной зарплатой, а потом и пенсией. Не придется после службы устраиваться вахтером или сторожем, ведь пенсии у рядового и младшего начальствующего состава невелики.

– Знаю, поэтому устроюсь автослесарем на СТО.

– Михаил, там вакансий не бывает, принимают по протекции и большому блату.

– Хотя об этом пока рано думать, но я рассчитываю на вашу помощь.

– Конечно, помогу, чем смогу. А сейчас ты мне должен оказать услугу, – произнес майор и увидел, как напряглись мускулы на лице водителя, брови в озабоченности сошлись на переносице. «Моя просьба ему явно не по душе», – понял начальник и вслух выразил сомнение:

– Пожалуй, придется мне самому поработать с жезлом. Слипчук и его водитель Федор, привыкшие к тому, что инспектора ГАИ, знающие номера и серии чиновничьих автомобилей, отдают им честь, берут под козырек, могут не отреагировать на жезл. Промчатся мимо, а гоняться за ними неприлично, ниже нашего достоинства.

– Вполне могут, уже были такие случаи, когда я служил в ДПС, – с затаенной радостью сообщил Трошин. – Однажды за превышение скорости я пытался остановить «Волгу» председателя райисполкома. Тот вызвал на «ковер» начальника отделения ГАИ и всыпал мне на орехи. Хотя водитель чиновника создал аварийную ситуацию и только по счастливой случайности не совершил ДТП.

– Ладно, Михаил, вольно, не напрягайся. Я сам сыграю роль госавтоинспектора, а ты не глуши двигатель, будь готов к погоне, если не остановятся.

– Давайте задействуем экипажи ДПС?

– Сами управимся, – возразил Калач и уверенно взял в правую руку тяжелый жезл.

– Вы же одеты по гражданке?

– Зато личность заметная, поэтому трудно не увидеть, тем более в ясную погоду. Обязательно остановятся, даже ради любопытства.

Майор с жезлом в руке вышел к обочине. У сержанта немного отлегло от сердца, ибо он опасался быть втянутым в скверную историю. «Что они не смогли поделить? Нашла коса на камень», – размышлял он, глядя на ленту асфальта, уходящую к основной трассе, соединяющей два приморских города.

Калач издали наблюдал за трассой, по которой на встречных курсах мчались грузовые и легковые автомобили, автобусы и фуры. На какое-то мгновение самоуверенность оставила его и внутренний голос подсказал: «Не разумно обострять отношения с теми, кто выше по должности, что чревато большими неприятностями и непредсказуемыми последствиями. Лучше спустить дело на тормозах, со временем все перемелется и страсти и обиды угаснут.

Может, действительно, внушить себе мысль, что ничего предосудительного и оскорбительного для меня для моей чести нет? Ради служебной карьеры, семейного благополучия?

Нет, проявив слабость, струсив в критический момент, я перестану себя уважать и, как личность, деградирую. Если бы знать, что отношения между Слипчуком и Ларисой не зашли слишком далеко, то можно было бы ограничиться культурным, но суровым предостережением? А, если они перешли грань? Нет, не в моих правилах пасовать и отступать, ведь не случайно риск называют благородным делом».

Вячеслав Георгиевич скорее интуитивно почувствовал, прежде чем увидел, как черного цвета «Волга» повернула с трассы налево и нарастила скорость. Он в ожидании приближающегося автомобиля неподвижным монументом встал у самой границы обочины и проезжей части дороги.

2. Жестокий клинч

– Федор, погляди-ка, у тебя зрение, как у орла, что это за пожарная каланча маячит у обочины? Никак Калач собственной персоной? – всматриваясь через лобовое стекло, сквозь ровный гул двигателя и шорох шин велел Слипчук своему водителю Цыгейке.

– Он самый, наш главный блюститель, начальник милиции, его за версту видно, – отозвался тот.

– С чего бы ему на дорогу выходить, подменять инспекторов ДПС?

– С причудами майор, – усмехнулся Федор. – Другие начальники из кабинетов по рации командуют подчиненными, а Калач лично участвует в рейдах и операциях по задержанию хулиганов, пьяниц, проституток... Самых буйных доставляет в райотдел милиции. Вот и сейчас вместо гаишников с жезлом вышел на трассу. Быкует, упивается властью, наводит страх на водителей, будто главный в районе, как во времена НКВД. Непредсказуем. Вообще то, странный мужик, необычный. До него таких начальников не было

– Ничего странного, – возразил партработник. – Подает пример подчиненным, как надо наводить порядок. А кабинетных работников, бюрократов и без него хватает.

Цыгейка увидел, как Калач движением жезла указал остановиться.

– Александр Петрович, что прикажите делать? Может, как обычно, проедем. Ударю по газам. Гаишники не то, что останавливать, честь вам должны отдавать.

– Уважим, не рядовой ведь, а майор. К тому же не каждый день начальник милиции дежурит с жезлом, – ответил секретарь. – Хотя я по табели о рангах полковник.

– Тем более, пошел он..., – поддержал водитель, намереваясь прибавить скорость.

– Остановись, узнаем, что ему надо? Может с машиной неполадки и попросит отбуксировать.

Сбавляя скорость, Федор ответил:

– Михаил – опытный водитель, в случае поломки сам бы справился или вызвал бы по рации инспекторов ГАИ, а те торчал бы у обочины. У них своих буксировщиков вдоволь. Здесь что-то другое?

Он остановил «Волгу» в полуметре от мрачно взиравшего на них офицера. Слипчук опустил стекло, добродушно спросил:

– Что случилось, майор? Неужели в ГАИ некомплект и ты вынужден лично обеспечивать, контролировать соблюдение водителями Правил дорожного движения? Или двигатель в авто забарахлил и нужна помощь?

– Александр Петрович, ваша ирония неуместна, – сухо отозвался Калач. – В службе ГАИ и ДПС вакансий не бывает. Желающих много, принимаем по конкурсу.

– Тогда почему с жезлом и в гражданской одежде, а не при параде? Могли бы проехать мимо, тем более что Цыгейка строго соблюдает правила безопасности движения.

– Могли бы, но не проехали, и сами догадываетесь почему? – с вызовом ответил майор.

– Почему? – удивился Слипчук, пребывая в бодром настроении, потому что на совещании руководство района, вопреки прогнозам, не подверглось критике, но и похвалы не прозвучало. И это уже позитив. Лучше умолчание, чем неловкая, публичная порка. По случаю того, что гроза прогремела в стороне, Александр Петрович вместе с коллегами в обкомовском буфете выпил граммов по сто пятьдесят коньяка «Ай-Петри».

– Потому, что между нами назрел мужской разговор, – мрачно произнес начальник милиции. – Давайте выясним отношения без свидетелей. Если откажитесь, то у меня будут основания презирать вас, как труса.

– Смело, неожиданно, – не то удивился, не то обиделся Слипчук. Взглянул на озадаченного Федора, открыл дверцу и вылез из авто.

– Отойдем в сторону, – не глядя на соперника, предложил Калач и указал на растущее у края лесополосы колючее деревцо боярышника. Молча, отошли от «Волги» на пару десятков метров.

– Вячеслав Георгиевич, что случилось? Ты в здравом уме? – первым спросил второй секретарь.

– Случилось и для тебя это не является неожиданностью, – промолвил майор и пристально поглядел. – Когда перестанешь волочиться, приставать к моей супруге с неприличными предложениями?

– С чего ты взял? В чем конкретно проявились эти предложения?

– Вопросы задаю я, а ты отвечайте.

– Мг, возомнил себя прокурором?

– Я – начальник милиции.

– Начальник РОВД, но не министр МВД, поэтому я не обязан держать отчет, – твердо изрек Александр Петрович.

– Ответишь, – теряя самообладание, произнес майор. – Почему флиртуешь с моей женой, не даешь прохода, склоняешь ее к интимной близости? Или в аппарате райкома не хватает красивых баб? С ними и кувыркайся, коль сперма давит на череп. Превратил контору в гарем.

– Это все козни, клевета, сплетни недругов и завистников, решивших посеять между нами вражду, – пояснил Слипчук, и миролюбиво продолжил. – Вячеслав Георгиевич, ты же по образованию правовец, юрист, должен руководствоваться не эмоциями, а разумом, фактами, уликами или вещдоками.

– Улик и вещдоков предостаточно. Я навел справки, именно из твоей приемной поступают и письменные, и устные приглашения Ларисе Юрьевне на участие в симпозиумах, конференциях, совещаниях, концертах, в других культурных мероприятиях, в том числе в банкетах и фуршетах. Причем с твоей подачи ее постоянно избирают в президиумы, оргбюро, составы комитетов и комиссий, в жюри творческих конкурсов.

– Что в этом плохого, предосудительного? Лариса Юрьевна – умная, обаятельная женщина. Она способна не только украсить, но наполнить глубоким содержанием любое публичное культурно-просветительское мероприятие.

– Ты вручаешь ей цветы, почетные грамоты, дипломы, сувениры, ювелирные изделия, французские духи и косметику. Очевидно, не без корысти, с дальним прицелом.

– Многим и, не только женщинам, но и мужчинам за активную работу, личный вклад в развитие культуры, эстетическое воспитание людей оказываю почести.

Вячеслав Георгиевич, пойми, наконец, что это мои функциональные обязанности в идеологической и гуманитарной сферах деятельности. Я же не обвиняю тебя в том, что ты изобличаешь преступников, охраняешь правопорядок, лично усмиряешь хулиганов, пьяниц, самогонщиков, а сегодня вот работаешь за сотрудников ГАИ. Почему у тебя вызывают необоснованные подозрения мои вполне законные действия, использование моральных и материальных стимулов для поощрения наиболее активных, отличившихся граждан, которыми по праву гордится наш район. Тебя обуяла мания чрезмерной подозрительности и ревности.

– И мою жену считаешь активисткой?

– Обязательно, в социально-культурной сфере. Поэтому у тебя нет причин для претензий. Они эмоциональны и необоснованны.

– Оставь ее в покое. Я обнаружил у нее твои любовные послания с комплиментами «дорогая моя, милая, нежная», с откровенными желаниями и намеками. Как это понимать?

Слипчук призадумался, не найдя убедительных аргументов и чувствуя, как нарастает его агрессия, попросил:

– Вячеслав, не горячись, охлади свой пыл. Что ты, как задиристый пацан. Я бы еще мог понять парня восемнадцати-двадцати лет от роду, а тебе перевалило за тридцать пять. Пора остепениться, трезво посмотреть на жизнь, далекую от идеала и совершенства с ее достоинствами, пороками и искушениями. Кстати, почему ты в служебное время под «градусом»? – уловил он запах спирта.

– Ты тоже – не ангел. Как из бочки, разит коньяком, – парировал выпад офицер.

– Я бы на твоём месте умерил пыл, трезво соизмерил свои силы и шансы, прежде, чем начинать поединок. Иначе я инициирую рассмотрение на бюро вопроса о состоянии дел по борьбе с преступностью и охране правопорядка. И будь уверен мои инспектора, сотрудники КГБ и прокуратуры вскроют недостатки, накопят достаточно компромата для признания профнепригодности и отстранения от должности.

– Только посмей, я не потерплю шантажа и угроз! – повысил голос Калач.

Поняв, что майор – крепкий орешек и его на испуг не взять, Слипчук сменил тактику и дружелюбно произнес:

– Ладно, погорячились, выпустили пар, отвели душу и будет. Предлагаю вечером встретиться в ресторане «Золотой колос», я угощаю. В спокойной обстановке, как говорится, посидим-погудим, расставим все точки над *i*. У нас нет причин для неприязни и вражды.

– Хочешь откупиться, задобрить? Я с тобой на одном гектаре не сяду, – ухмыльнулся майор. – Сам достаточно зарабатываю, чтобы самостоятельно оплатить заказ в ресторане и не быть в долгу.

– Давай майор, без пошлости. Между прочим, я по табели о рангах полковник Советской армии и, значит, выше тебя по знанию. Прошу вести себя корректно, соблюдать субординацию.

– Плевать я хотел на твоё звание и субординацию. МВД министерству обороны не подчиняется.

– Да, не подчиняется, это самостоятельные ведомства, – согласился Александр Петрович. – Но не забывай, что законодательная, исполнительная и судебная власть подконтрольны партии.

– По служебной линии я подчиняюсь начальнику УВД, министру и их заместителям.

– Ладно, не будем спорить. Кто из нас не без греха. Да, мне нравится твоя супруга и она свободна в своём выборе. У нас в стране Конституцией гарантировано равенство прав мужчины и женщины. То, что я ей симпатизирую, не является пороком или криминалом, – пояснил второй секретарь. – Ты должен гордиться, что твоя жена столь красива и популярна, что её не обходят стороной, оказывают почести. Ты же не можешь запретить человеку любоваться великолепными видами крымской природы: горами, лесами, морем или полотнами великих живописцев. Подобное происходит и с созерцанием красивых, очаровательных женщин, вдохновляющих мужчин на подвиги и творчество.

– Не разводи демагогию. Если нравится слабый пол, то шупай и разминай других баб, а Ларису не тронь.

– Впервые вижу такого стойкого, без порочащих связей милиционера. Слышал, что ты и сам не прочь приударить за молоденькими прелестницами. В твоём отделе среди следователей и сотрудниц инспекции по делам несовершеннолетних есть соблазнительные особы. Все мы из одного теста, порой, неспособны устоять перед сладким искушением. Тем более что женщины сами готовы предаваться этим забавам, – озвучив эти слова, Слипчук с опозданием осознал, что косвенно намекнул на то, что и Лариса Юрьевна тоже небезгрешна, и тем самым совершил роковую ошибку

– Ага, вот я тебя и поймал на слове. Никто тебя за язык не тянул, сам признался. Значит, решил сделать из меня рогоносца, опозорить, выставить на посмешище, – распалялся Калач.

– Даже в мыслях такого не было. В тебе неожиданно пробудился синдром Отелло, горячая кровь мавра, задушившего Дездемону.

– Я тебе, бабник, покажу и мавра, и Дездемону! Охота за чужими женами тебе будет стоять карьеры. Видно ничему не научила незавидная судьба всесильного Лаврентия Берия – большого любителя «клубнички», – с закипающей кровью процедил майор.

– Эка, в какие дремучие дебри тебя занесло с мрачными и нелепыми аналогиями. Да кто ты такой, чтобы мне указывать, учить жизни?! – теряя самообладание, вспылал Александр Петрович, – При желании сотру тебя в порошок, выше майора не дослужишься, да и этого звания лишишься.

– Выкусишь, я заработал это знание своим горбом. На всю жизнь зарубишь себе на носу, как волочиться, приставать к Ларисе Юрьевне! – с закипающей кровью кликнул майор и с размаха ударил его жезлом по плечу. Добротный серо-стального цвета костюм лопнул по швам. Пострадавший, взыв от боли, прикрыл лицо правой рукой. И тут же по ней пришелся второй удар. Слипчук успел скользнуть пальцами по лицу обидчика, поцарапав ногтями кожу на щеке и ноздри.

Калач левой рукой схватил его за ворот, затрещал шелк разорванного галстука, горохом посыпались пуговицы с пиджака. Третий удар, нанесенный жезлом по бедру, свалил соперника в траву. В гневе бросил сверху жезл. Но тут же, сообразив, что это улика, поднял его.

– Остановись, зверь! – простонал пострадавший, успев погрозить. – Срочно соберу бюро или пленум, пробкой вылетишь из партии и должности.

– Наложил я на твой пленум, плевал с высокой колокольни! – огрызнулся майор и подумал: «Хорошо, что у него нет диктофона, а слова к делу не пришьешь».

– Ты, еще горько пожалеешь, слово – не воробей.

– Слово к делу не пришьешь. У тебя нет свидетелей.

– А Федор и Михаил подтвердят. За все ответишь, тебе это аукнется, сгною в тюрьме.

– Не каркай, я не из робких, на бандитские пули и ножи ходил. Отвечу, но не позволю позорить себя и мою семью, – произнес майор, стирая теплую кровь с лица. – Тебя бы следовало, как хряка, кастрировать, но все равно прибор уже не приходится. Впрочем, достаточно и этого...

– Федор, Федя, по-мо-ги! – позвал своего водителя партработник. Цыгейка, наблюдавший за поединком со стороны, бросился к шефу на помощь.

– Стоять на месте! Застрелю, как бешеную собаку! – крикнул Калач. Водитель увидел направленный на себя ствол пистолета, остановился. Приблизившийся Трошин доверительно прошептал:

– Федор, давай не будем пороть горячку, чтобы потом не оказались крайними. Черт подери, не по своей воле влипли в скверную историю. Теперь затаскают на допросы в прокуратуру или КГБ в качестве свидетелей.

– Да, затаскают, – согласился Цыгейка и, глядя в сторону Слипчука, сказал. – Пойду, помогу Александру Петровичу. Кажется, он серьезно пострадал от ударов твоего майора.

Оставив соперника, Калач, промокая носовым платком кровь с поцарапанной щеки и разодранного носа, с огорчением сообщил:

– Когтистый, как рысь, портрет испортил. Кстати, Михаил, в случае чего подтвердишь, что Слипчук первым нанес мне удар. Я оборонялся. Хотел с ним поговорить мирно, а он сразу полез в драку. Понадеялся, что я перед его персоной оробею, в штаны наложу, вот и получил на орехи. Попал под горячую руку, бабник, демагог. Впредь наука будет.

Водитель промолчал, так как отчетливо видел, что после разговора на повышенных тонах и жестикуляций, майор первым нанес удар жезлом.

– Что молчишь, сопишь, будто воды в рот набрал? – проворчал начальник и намекнул. – Может, устал меня возить, так быстро найду замену, а тебя переведу в ППС или в медвытрезвитель?

– Товарищ майор, я своей работой доволен, – признался водитель. – Если я подтверждаю вашу версию, то Федор ее легко опровергнет. Он находился почти рядом и все видел.

– Твое дело подтвердить. На каждое их обвинение у нас должен быть убедительный, неопровержимый контраргумент. Или ты решил, как тот хохол, «моя хата с краю, ничего не знаю», отмолчаться? Не получится, не та ситуация... Что скажешь?

– Скажу, что он первым начал, – невольно согласился Михаил и заметил. —Значит, зазнобу не поделили, иначе нет причины пускать в ход кулаки?

–Теперь ему баба не скоро потребуются, через ногу не сможет перелезть. Почитай, кастрат, евнух. Будет впредь наукой, как за чужими юбками волочиться.

– Так вы его на почве ревности поколотили?

– Помалкивай! – осадил начальник водителя. – О том, что увидел и слышал, никому ни слова, жезл спрячь подальше от глаз. Сам понимаешь, что это серьезная улика.

– Конечно, понимаю, – ответил Трошин, представив, какие страшные удары и острую боль испытал и ныне ощущает пострадавший. С тоской подумал: «Если бы шеф поколотил обычного мужика, то сошло бы с рук, а тут партийная шишка, секретарь по идеологии, политика. Скандал неизбежен. Если майора снимут, то мне придется искать другое место. Заварил шеф кашу и мне рикошетом достанется на орехи».

– Вячеслав Георгиевич, ведь он может обратиться с заявлением в прокуратуру и тогда по факту избиения будет возбуждено уголовное дело.

– Он чувствует за собой вину, поэтому не обратится. Тоже не ангел, нанес мне увечье, расцарапал щеку и нос. И потом не в его интересах раздувать скандал, что может негативно отразиться на политической карьере. И все же неприятностей не избежать. Вся надежда на поддержку начальника УВД генерал-майора Добрича. Авось выручит? Но ты, Миша, об этом никому не слова, иначе..., сам понимаешь. Возьми жезл и положи в багажник. Возвратимся в райотдел, сразу же сожги, а пепел развей.

– Жезл – подарок друзей, мой талисман?

– Это вещдок, подлежащий уничтожению, – твердо произнес начальник.

– Товарищ майор, за уничтожение вещественных доказательств предусмотрена уголовная ответственность, – напомнил сержант. – Сами возьмите и сожгите.

– Много ты знаешь?

– Не первый год служу в милиции, многому жизнь научила.

– Понятно, – усмехнулся Калач. – Боишься оставить свежие отпечатки на жезле. Сообразительный и предусмотрительный. Но они и так сохранились.

– Вячеслав Георгиевич, пострадавшего следовало бы доставить в травматическое отделение районной больницы. Вдруг у него серьезные повреждения, переломы, гематомы.

– Федор без нас управится. Не будь мягкотелым и сентиментальным. На покладистых и терпеливых мужиках бабы воду возят и кнутом погоняют. Разборка произошла, возврата нет.

Михаил удрученно почесал затылок.

– Почему ерзаешь, вши завелась?

– Думаю над ситуацией.

– Тебе то, какая печаль?

– Затаскают в качестве свидетеля.

– Не трусь, не из таких ситуаций выходили без потерь. Давай за баранку и в отдел, надо срочно снять стресс.

Трошин лихо развернул «Волгу» и направился ее в поселок. Ехали, молча с мрачными лицами, словно в багажнике покоился труп.

Между тем Цыгейка подбежал к лежащему на траве Слипчуку. Лицо пострадавшего было искажено болью. Водитель помог секретарю подняться. Заметил, что правая рука свисает ват-

ной плетью. Осторожно придерживая, провел к машине, уложил на заднее сидение, с тревогой спросил:

– Александр Петрович, куда?

– В травмпункт, – велел он. – Кажется, этот бугай сломал мне руку. Что же ты, Федор, струсил?

– Он пригрозил пристрелить, как бешеную собаку, а у меня жена, ребенок, – покался водитель. – Если этот грозный блюститель на вас, второго секретаря райкома, руку поднял, то меня бы раздавил, как букашку.

– Зверь, – преодолевая боль, простонал Слипчук.

– Я ведь предупреждал: не надо было останавливаться, ударил бы по газам и все дела, – напомнил Цыгейка о своем совете.

– Да, не надо было, – согласился партработник.

Возвратившись в свой кабинет, Калач ощутил голод. Подошел к сейфу, достал с нижней полки початую бутылку коньяка и сделал три полных глотка. Почувствовал, как тепло благостно разливается по массивному телу. Вернулся за стол и по телефону велел секретарю-машинистке:

– Анжела, завари пару чашек кофе без сахара.

– Может три? – предложила она и напомнила. – Бог любит троицу.

– Давайте три и пару бутербродов с колбасой и сыром. Холодильник у нас еще не опустел?

– Не опустел, я его вовремя пополняю.

– Спасибо, Анжела, чтобы я без тебя делал? – польстил офицер.

– Рада стараться.

Вскоре вошла с подносом, кабинет наполнился ароматом кофе. Перед тем, как приступить к трапезе, Вячеслав Георгиевич выпил рюмку коньяка, закусил бутербродами, запил кофе. Несколько минут размышлял, анализируя возможные последствия от инцидента на дороге. Потом вызвал в кабинет начальника отделения ГАИ капитана Олега Грибкова.

– У тебя что-нибудь есть против водителя второго секретаря райкома партии? – спросил, едва тот переступил порог.

– Имеете в виду Федора Цыгейка?

– Да, Федора.

– Вы же знаете, что не принято останавливать служебные автомобили руководителей.

– Знаю, но у Цыгейки есть личные «Жигули» седьмой модели.

– Точно семерка гранатового цвета, – подтвердил капитан.

– Подловите его, когда сядет за баранку личного авто. Уличите в каком-либо нарушении Правил дорожного движения. Будь то при вождении в пьяном состоянии, частном извозе...

– Сложная задачка? – почесал затылок-загровок Грибков. – За ним не замечены такого рода нарушения ПДД. А вот лихо промчаться с ветерком любит.

– Пусть твои орлы, а лучше сам, на этом его подлови. Водительское удостоверение передашь мне, а «Жигули» – на штрафплощадку. Это его сделает покладистым, шелковым.

– Зачем вам это? – поинтересовался начальник ГАИ.

– Затем, – уклонился Калач от ответа. – С Цыгейкой я разберусь сам. Выполняй приказ, вечером доложишь.

– Так точно! – произнес Олег.

3. Табу на информацию

Цыгейка, объезжая ухабы, доставил Слипчука в травматологическое отделение районной больницы.

– Александр Петрович, что случилось, кто вас покалечил? – после осмотра травм, обнаружив закрытые переломы предплечья и правой ноги, спросила заведующая отделением Зоя Ивановна Лаптева. – Без рентгена, который мы обязательно проведем, все признаки физического насилия, криминала.

– Почему вы так решили? – промолвил он слабым голосом.

– По характеру травм и закрытых переломов. При ДТП они отличаются рваными ранами, гематомами, а эти указывают на удары твердым предметом, палкой, арматурой или битой, – пояснила Лаптева. – Я уже два десятка лет работаю врачом, многое повидала. По инструкции я обязана сообщить в милицию или прокуратуру для регистрации этого факта и назначения судмедэкспертизы.

– Зоя Ивановна, не торопитесь, я сам разберусь в этой ситуации, – стиснув зубы и превозмогая боль, попросил пациент. Медсестра по заданию врача сделала инъекцию для обезболивания.

– Александр Петрович, понимаю, что вы не желаете огласки. Наверное, это связано с личными отношениями, – предположила женщина. – За сокрытие информации мне может влететь от начальства, от тех же сотрудников милиции или прокуратуры. Вдруг возникнут осложнения? Не приведи Господь, гангрена?

– Не возникнут, у меня здоровый, крепкий организм, – возразил Слипчук. – К тому же я ответственный партработник, обязан проконсультироваться со своими руководителями. Если же вы сообщите в милицию, то нагрянет следственная группа с вопросами: что, где, когда и кто? Мне бы не хотелось посвящать посторонних в суть инцидента.

– Но в любом случае виновник должен быть наказан.

– Вы правы. Кара его не минует, но не сейчас. Надо выдержать паузу, чтобы сгоряча не наломать дров, не навредить своей репутации. Поползут нелепые слухи, грязные предположения, не хочу оказаться в центре скандала.

– В таком случае я должна иметь гарантии, чтобы потом не привлекли к ответственности, – промолвила Зоя Ивановна.

– Хорошо, дам вам соответствующую расписку. А вы гарантируйте, что информация о моем пребывании здесь, не выйдет за пределы отделения. Может, наложите гипс, и я отправлюсь домой?

– Нет, с такими травмами и переломами необходима госпитализация под присмотром врача и интенсивный курс лечения, – сообщила Лаптева.

– Что же, Зоя Ивановна, не буду противиться. Вашими устами глаголет истина, – невесело пошутил Александр Петрович и попросил. – Пригласите моего водителя.

Когда Федор появился на пороге, строго велел:

– Об инциденте никому ни слова. Машину поставь в гараж и отправляйся домой, чтобы не приставали с вопросами.

Отдавая распоряжения, Слипчук понимал, что утечка информации неминуема, но ради морального успокоения принял меры предосторожности. «Калач не станет шуметь, ведь не в его интересах раздувать скандал», – подумал он. В процедурном помещении у него измерили температуру, давление. Хирург-травматолог тщательно осмотрел конечности.

Поскольку потерпевший не смог самостоятельно передвигаться, его на каталке отправили в рентген-кабинет. На еще мокрой пленке снимках выявили два закрытых перелома: костей

левого предплечья и левой ноги ниже колена. Под наркозом провели срочную операцию, наложили гипс. Слипчук с забинтованным предплечьем и ногой стал похожим на снежного человека. На той же каталке санитар доставил его в одноместную палату, предназначенную для особых персон.

На него навалилась усталость, сморил сон. Пришел в себя, когда свечерело. Окно в палате затянулось синевой, на темном бархате неба проклюнулись первые звезды, заблистал острокопечный серп новорожденного месяца.

«Рита, наверное, беспокоится, – с грустью подумал он о жене. – Следуя здравой логике, надо было бы позвонить ей и сообщить, что совещание в обкоме затянулось допоздна, остался ночевать в гостинице «Москва». Так ведь не поверит, обязательно свяжется с дежурным администратором. Сам виноват, так как часто, пребывая в компании очередной пассии, дабы не вызвать у жены подозрение и ревность, информировал о том, что находится в командировке, либо на пленуме.

На сей раз, Рите было известно, что я на совещании в обкоме партии. Позвонит, если уже не позвонила, и узнает, что совещание закончилось в полдень. Сразу возникнет вопрос: где меня носит? Пожалуй, не годится напоминать о себе, иначе только усугублю ситуацию. К тому же до телефона еще надо добраться, а без посторонней помощи это невозможно. Малейшие движения причиняют жуткую боль. Поэтому, как предписала Зоя Ивановна, нужен покой и покой».

Вместе с тем Александр Петрович осознавал, что постельный режим продлится ни день и ни два, а недели две-три. Рано или поздно супруга узнает, что он в больнице, ведь на чужой роток не накинешь платок. Непременно произойдет утечка информации. Да и как объяснишь Рите длительное и странное исчезновения. Всполошится, примется обзванивать райком, исполком, другие инстанции. Да, нелепая ситуация.

От тягостных размышлений и отсутствия оптимального решения у Слипчука разболелась голова, в висках напряженно пульсировала кровь. Он попытался пошевелить пальцами забинтованной левой руки, но они не слушались, будто окаменели, и это его повергло в уныние: «Как же я буду писать доклады, речи?». Наркоз его оставил, а вот температура не отступала, лоб покрылся испариной.

Краем глаза Александр Петрович увидел, как дверь открылась и в палату в сопровождении дежурного врача осторожно вошла жена. Он приподнял голову от подушки, чтобы убедиться, что это не галлюцинация, и замер от неожиданности.

«Как и от кого, она узнала, что я здесь? Кто-то из медперсонала известил или Цыгейка не устоял перед ее напором?»

– Здравствуй, Саша, – тихо прошептала Маргарита и упрекнула. – Я с ног сбилась, тебя разыскивая, все телефоны оборвала. Первому секретарю и начальнику милиции, прокурору звонила. Никто не знает, словно сквозь землю провалился. Почему молчал, затаился, сам не позвонил или через кого-нибудь не сообщил, что случилось?

– Прости, Рита, не хотел тебя беспокоить, – виновато произнес он. На плечи супруги был накинут белый халат, из-под которого виднелось темно-коричневое платье, на шее повязан такого же цвета капроновый шарфик. Каштановые волосы собраны на затылке в узел.

– Маргарита Евгеньевна, пять минут, не более, – попросила дежурный врач. – Александру Петровичу требуется покой, лишние волнения противопоказаны.

Слипчук кивнула головой, и врач оставила их наедине.

– Рита, почему ты здесь? – невпопад спросил он.

– Это я хочу спросить, почему ты здесь, а не в своем кабинете? – отозвалась женщина, осматривая его туго забинтованное плечо и шину на ноге. – Что случилось? Только не говори, что спотыкнулся на лестнице и упал.

– Типичный случай, ДТП.

- Не лги, я звонила в ГАИ, там ДТП с участием твоего водителя не зафиксировано.
  - Столкновение транспорта произошло на участке трассы, обслуживаемой инспекторами феодосийского ГАИ.
  - В таком случае тебя должны были бы доставить в одну из больниц Феодосии?
  - Попросил, чтобы определили в больницу нашего райцентра, поближе к дому.
  - Если произошло ДТП, то почему твой водитель Федор не пострадал, жив и здоров?
- Я позвонила ему на квартиру, Федор сказал, что из Симферополя благополучно довез тебя в поселок к зданию райкома. Не успели сговориться?
- Рита, успокойся, ты ведь не следователь, чтобы знать все детали.
  - Я – твоя жена, а не любовница, и это больше, чем следователь. Вправе знать, что случилось с мужем, какой злодей его жестоко искалечил.
  - Громко сказано, искалечил, – усмехнулся Слипчук. – Не паникуй, дорогая, организм у меня крепкий, выносливый, поваляюсь, отдохну недельку, все заживет.
  - Не заживет, в душе останется рана, – возразила она. – Это все твои увлечения молодыми, красивыми женщинами. Сколько раз я просила тебя охладить свой пыл, остепениться? Ведешь себя, как мартовский кот. Высоко взлетел и отдался плотским искушениям и прихотям.
  - С чего взяла? Это плод твоих фантазий. Рита не драматизируй, ты у меня единственная и неповторимая...
  - Этот банальный комплимент я слышу не в первый раз, придумай что-нибудь новее. Я узнала, что тебя покалечил Калач. Остановил машину на дороге и избил. Приревновал к своей жене Ларисе. Так или нет?
- Слипчук сделал паузу, размышляя: «Кто бы мог слить информацию, ведь во время инцидента нас было четверо, водители, я и Калач. Федору я велел держать язык за зубами, и он не проговорился. Значит, сам майор или его водитель распустили слух. Но зачем это надо Калачу? Чтобы скомпрометировать меня и показать, какой он крепкий орешек. Мол, постоял за честь своей жены, не побоялся поднять руку на секретаря райкома партии. Гордыня, тщеславие. А того, ревнивец, не поймет, что последствия для него будут тяжелыми. Я ему это унижение и зверское избиение не прощу. Полетит с должности к чертовой матери».
- Да или нет? – повторила Маргарита Евгеньевна и, не дождавшись ответа, продолжила. – Нечего возражать, значит, да. Молва не обманула. Вот до чего довели твои романы с чужими женами. Неужели тебе недостаточно моей любви и нежности?
  - Нет у меня на стороне никаких романов. Это клевета, сплетни соперников и завистников, – возразил он.
  - Захотелось молодого знойного тела, горячей крови, разнообразия для остроты ощущений. За все, в том числе и за прелюбодеяния, платить надо.
  - Рита, не накручивай, мне и без того не по себе.
  - Я тебя изучила, ты всегда так отвечаешь, когда правда колит глаза. Известно, как бы повел себя, если бы ко мне кто-то подбил клинья? – вздохнула Маргарита. – В каждом мужчине, как впрочем, и в женщине, таится первобытное, дикое чувство ревности. Надо держать ее на цепи.
  - Во всяком случае, я бы не стал распускать руки. Наказал бы соперника по партийной линии, завел бы персональное дело.
  - У Калача таких полномочий нет, он и сорвался.
  - Рита, я тебя не узнаю. Ты что же его оправдываешь? – оторвал Слипчук голову от подушки.
  - Не оправдываю, но все, же он постоял за честь своей жены, а это приятно каждой женщине. Прежде за любимых, как Пушкин, стрелялись на дуэлях.
  - За какую честь? Если бы я с Ларисой переспал, тогда другое дело, а то ведь и близко этого не было, – искренне возмутился Александр Петрович.

- Похоже, ты очень огорчен, что не было?
- Не веришь?
- Значит, так тепло и нежно Лариса, а почему не официально Лариса Юрьевна?
- Не придирайся к словам.
- Ладно, сейчас не та ситуация, когда надо выяснять отношения. Поправишься, встанешь на ноги, тогда и поговорим, – снисходительно сказала она.
- Да, душевно поговорим, – согласился он.
- Саша, как ты себя чувствуешь? – Слипчук уловил в голосе жены нотки жалости и сострадания. Маргарита положила теплую ладонь на кисть его левой руки.
- Терпимо, сносно. Видишь, даже улыбаюсь, не утратил чувства юмора, – он изобразил на лице нечто похожее на вымученную улыбку.
- Я боюсь, чтобы не случилось заражение, не развилась гангрена и, тогда без ампутации ноги или руки не обойтись. Потребуй, чтобы тебя вертолетом отправили в Симферополь в спецбольницу для лечения советской и партийной элиты.
- У страха глаза велики, – напомнил Слипчук поговорку. – Откуда этой гангрене взяться. Я уверен, все будет хорошо
- Если тебя избил Калач, то я прокляну его и весь его род, – решительно с лихорадочным блеском глаз заявила Маргарита.
- Не смейся. У тебя, что такие сказочные способности?
- Не у меня, а у бабки Аграфены. Она обладает черной магией. Умеет наслать проклятие, порчу, сглаз. Знает особый ритуал погребения для тех, кто пока еще живой.
- Так эту Аграфену за шарлатанство следует привлечь к уголовной ответственности. Как ее фамилия, где живет? – заметно взбодрился Александр Петрович. – Ты же понимаешь, что эти разного пошиба ведьмы, религиозные сектанты, фанатики подрывают устои нашего государства, сеют смуту и панику в обществе. Полагаю, не забыла, что религия – опиум для народа?
- Не забыла. Успокойся, Аграфена наводит порчу на подлых людей, а праведников не трогает. После ее магических ритуалов и заклинаний, одни погибают в ДТП, сгорают на пожарах, тонут в воде, другие умирают от неизлечимых болезней, третьи – сами лезут в петлю, принимают яд. Ее руками Господь очищает землю, общество от скверны.
- Не знал, что ты такая суеверная, мнительная, – удивился он. – Может и на меня кто-то наслал порчу посредством нападения?
- Александр, не шути так, не притягивай к себе негатив, большую беду, – строго предостерегла жена. – Ты ведь далеко не праведник, грехи в церкви не замаливаешь, поэтому твоя аура очень тонка и уязвима.
- Мистика, чертовщина, – усмехнулся супруг. – Не смейся людей, а то ведь решат, что жена второго секретаря свихнулась, подалась за помощью в церковь и монастырь. И от Аграфены и других аферистов и шизофреников держись подальше.
- Она действительно обладает магией, передалось ей по наследству. Уже нескольких человек отправила на тот свет.
- Рита, я сам найду средства и способ, чтобы отомстить своему обидчику. Он плохо кончит, – невольно признался Слипчук.
- Значит, версию о ДТП ты придумал, – поймала она его на слове.
- Почему ты пришла в темном, чуть ли не траурном платье и шарфике? – неожиданно спросил он, решив сбить ее с мысли. – Я еще долго не собираюсь умирать. В самом расцвете физических и душевных сил.
- Что же мне в бальном платье приходиться, когда ты в таком состоянии? – возразила она. Дверь отворилась, послышался голос дежурного врача:
- Маргарита Евгеньевна, время давно истекло. Прошло тринадцать минут. Это максимум.

– Я знаю, – ответила супруга и, наклонившись к мужу, спросила. – Саша, что тебе принести из еды, чтобы быстрее пошел на поправку?

– Спасибо, родная. Придумай сама, ты у меня умница, – тихо отозвался он.

– Завтра я тебя навещу, выздоравливай, до встречи, – она наклонилась и поцеловала его в горячую щеку. Следом за врачом покинула палату.

«Дай Бог, чтобы все обошлось, и он встал на ноги, – умоляла Маргарита. – Тогда отпадет необходимость обращаться к Аграфене. Если же ангел-хранитель оставит Сашу, то месть в отношении его обидчика будет адекватной и беспощадной». Осознание твердости своих намерений придало ей уверенность в правоте действий.

4. Грубый шантаж

Олег Грибков проявил служебное рвение: в семь часов вечера он положил на стол Калача водительское удостоверение Федора Николаевича Цыгейка.

– Что с «Жигули»?

– На штрафной площадке, – ответил начальник отделения ГАИ. – Задержали за превышение скорости движения.

– Молодец, так держать! – Вячеслав Георгиевич поднялся с кресла и пожал руку подчиненного.

– Рад стараться, – ответил капитан.

– Походатайствую о досрочном присвоении очередного звания, – пообещал Калач. – А где нарушитель?

– В вашей приемной под охраной сержанта ДПС, чтобы не сбежал.

Майор подошел к сейфу, открыл стальную дверцу и достал початую бутылку коньяка. Наполнил рюмку золотистым напитком и предложил:

– Выпей для бодрости и моторности.

– Я за баранкой, – смутился Олег.

– Сто граммов не навредят.

Офицер выпил залпом.

– Свободен, пусть войдет Цыгейка, а сержант подождет за дверью.

Начальник отделения ГАИ вышел и тут же появился задержанный водитель.

– Товарищ майор, за что? – сорвалось у него с губ.

– Садись, Цыгейка-телогрейка, – добродушно произнес Калач. – В ногах правды нет.

– За что задержали, забрали удостоверение и автомобиль?

– За лихачество. Должен не возмущаться, а благодарить инспектора за то, что предотвратил ДТП с тяжелыми последствиями. Часто те, кто любит прокатиться с ветерком, совершают аварии, сбивают насмерть пешеходов и... отправляются на нары в камеру с парашей. Тебя такая перспектива устраивает?

– Не устраивает, – понурил голову Цыгейка.

– Тогда слушай и мотай на ус, – велел майор. – Ты, мужик башковитый, понимаешь, что задержали тебя не случайно. Это прежде гаишники на твои шалости закрывали глаза, но ситуация резко изменилась.

– Догадываюсь, всему причиной случай на дороге с моим шефом, которого вы избили, покалечили жезлом.

– Ты, что, Федор, белены объелся? – повысил голос начальник РОВД. – Избил, покалечил, ты эти фантазии выкинь из головы. Твой шеф был пьян и первым оказал физическое сопротивление представителю власти при исполнении служебных обязанностей...

– Вы – не сотрудник ГАИ, – возразил Цыгейка.

– Начальник милиции обязан быть универсалом, – парировал майор.

– Александр Петрович тоже представитель власти.

– Он – партийный функционер.

– Но по званию выше вас, он – полковник.

– Возможно, но армейский полковник, а не милиции или госбезопасности, поэтому мне не указ. Мои прямые начальники: генерал и министр МВД. Вот, что, Федор, если кто-либо из представителей обкома партии, прокуратуры или КГБ спросит о происшествии со Слипчуком, то скажешь, что он был под «мухой», первым полез в драку. Поцарапал мне лицо и нос, спровоцировал конфликт.

– Александр Петрович меня с треском уволит, – посетовал водитель. – К тому же за дачу заведомо ложных показаний могут привлечь к административной и, даже уголовной, ответственности. А у меня жена, дети...

– Знаток, – усмехнулся майор. – Без водительского удостоверения никого возить ты не будешь. Да и «Жигули» можем конфисковать.

– За что?

– За частный извоз, как средство нетрудовых доходов.

– У вас нет доказательств?

– Не проблема, будут свидетели из числа пассажиров, которым ты оказывал услуги. Федор, ты же себе не враг?

Цыгейка призадумался.

– Не ломай голову. Индюк тоже думал и в суп попал, – поторопил его Калач. – Если Слипчук тебя уволит, то без работы не останешься, возьму на службу в ДПС. Постоянно будешь иметь левый доход. У тебя какое образование?

– Среднее техническое, окончил Симферопольский автодорожный техникум, водитель первого класса.

– Годится. Получишь офицерское звание и кум королю. Почет, уважения и блага тебе гарантированы, не только среди автомобилистов, но и руководителей предприятий, совхозов и колхозов.

– Что от меня требуется? – взвесив все «за» и «против», спросил Федор.

– Дашь показания против Слипчука, – майор подал водителю чистый лист бумаги, шариковую ручку и велел. – Обязательно напиши, что он был пьяный, на бровях, выпил триста граммов коньяка в обкомовском буфете и при встрече со мною проявил агрессию.

– Вдруг спросят, откуда я знаю, что он пил коньяк в обкомовской столовой, если водителей в здание не пускают, на входе милицкий пост?

– Соображаешь, – похвалил Калач. И предложил другую версию. – Скажешь, что по пути домой Слипчук велел остановиться у ресторана «Старая крепость», что в Тополевке. Депутаты, чиновники, директора совхозов и колхозов из Керчи, Феодосии, Ленинского района часто там устраивают застолья. Это для них стало ритуалом, традицией. Поэтому твои показания будут убедительны. Скажешь, что в ресторане Слипчук заложил за воротник, едва держался на ногах. Ты помог ему дойти до автомобиля.

– Да, этот ресторан в Тополевке очень популярный у начальства. Кроме того, часто останавливаются в селе Радостное, чтобы запастись родниковой водой, подкрепиться чебуреками.

Минут через пять Цыгейка управился с объяснительной запиской и подал майору. Тот внимательно прочитал и одобрил.

– Приятно иметь дело с умным человеком. Но имей в виду, если в последний момент трусишь и пойдешь пятками назад, то посажу тебя в камеру к уголовникам. Они тебя опустят, кастрируют, сделают «петухом». Если хочешь кушать бутерброды с маслом, черной и красной икрой, а не тюремную баланду, ходить на унитаз, а не на парашу, то следуй моим советам. Усек?

– Усек. Вдруг узнают, что солгал, оклеветал Слипчука, привлекут к уголовной ответственности? – опасливо спросил Цыгейка.

– Не привлекут, – заверил майор. – Если наложишь в штаны, заартачишься, то после отсидки в СИЗО, если тебе удастся выжить среди сокамерников, отправлю на «химию» поднимать народное хозяйство. Может тебя такая «романтика» устраивает?

– Упаси, Господь от такой участи, – вздохнул Федор. Калач отдал ему водительское удостоверение.

– А «Жигули»? Я без колес, как без рук.

– Заберешь со штрафплощадки. Скажешь капитану Грибкову, что я приказал.

- Спасибо, Вячеслав Георгиевич, век не забуду, – водитель учтиво склонил голову.
- Долг платежом красен. Помни наш уговор.
- Обязательно, у меня с памятью нет проблем.

5. Партийный приказ

На следующий день, за час до полудня, дверь палаты отворилась, вошел среднего роста мужчина в темно-синем костюме, белой сорочке и галстук. В нем Слипчук узнал помощника первого секретаря обкома Льва Платоновича Гнедой. Он приблизился к кровати пациента, вкрадчиво и заботливо произнес:

– Добрый день, Александр Петрович. Как ты себя чувствуешь?

– Неважно, суставы ломит, будто их пропустили через камнедробилку. От острой, тупой боли спасают обезболивающие инъекции. А то бы, хоть волком вой и на стену карабкайся...

– Мы потрясены, до глубины души возмущены случившимся. Не ожидали от Калача такой подлой дерзости, – посетовал Гнедой.

– Это не дерзость, а мерзкое, коварное преступление, – возразил Слипчук. – По Уголовному кодексу квалифицируется, как умышленное причинение тяжких телесных повреждений. Я ему этого зверства никогда не прощу.

– Понятно, – вздохнул Лев Платонович. – Тебя переполняют чувства обиды и мести, а надо руководствоваться разумом, следует задуматься о последствиях. Если инцидент получит широкий резонанс, то пострадает не только Калач, но и твоя политическая, деловая репутация. Прослынешь бабником, аморальным типом. Поэтому лучше дело замять, спустить на тормозах. Как говорится, выйти сухим из воды.

– Это мнение Виктора Сергеевича? – спросил Александр Петрович.

– Он очень обеспокоен твоим состоянием и не только физическим, но и морально-психологическим, – помощник уклонился от прямого ответа. – Если не будешь возражать, то вертолетом экстренной медицины доставят в областную больницу имени Семашко или же в нашу обкомовскую поликлинику. Там квалификация врачей выше, практикуют профессора и кандидаты наук из Крымского медицинского института.

– Не возражаю, сам об этом хотел попросить, – отозвался Александр Петрович. – В районной больнице оборудование не ахти, какое, да и врачи без ученых степеней и богатой практики.

– Считаю, что вопрос решен. Дорогой коллега, у тебя от партии не должно быть никаких секретов.

– О чем речь, Лев Платонович?

– Тема весьма деликатная. Прежде, чем комиссия партийного контроля займется персональным делом Калача, я обязан узнать, были ли у него основания для расправы. Имею в виду твои неформальные, интимные отношения с его женой? Только не лукавь, отвечай честно, как на духу.

– Лев Платонович, тебе известно, что я по своим функциональным обязанностям курирую идеологию и гуманитарную сферу: народное образование, здравоохранение, культуру, спорт. В этих отраслях в основном в качестве руководителей работают женщины. Поэтому хочу я того или нет, вынужден с ними постоянно общаться, контактировать. И совершенно понятно, что не только Калач, но другие мужья ревнуют меня к своим женам, особенно к молодым, красивым и соблазнительным.

К женщинам я отношусь с уважением, по-рыцарски, делаю подчиненным комплименты, иногда балую скромными подарками на 8 Марта, дни рождения и юбилеи. Не скрою, что наиболее эмоциональные и темпераментные особы эти знаки внимания воспринимают, как ухаживания и готовы ответить взаимностью. Догадываетесь, какой?

– Безусловно, женщина способна обезоружить и пленить мужчину, – сдержанно улыбнулся Гнедой.

– Если кому-то из них я не отказывал, то по взаимному согласию и желанию, – признался секретарь. – Действовал осторожно, аккуратно, чтобы не оплодотворить, не нажать себе и им проблем с нежелательной беременностью. Я же не виноват, что бабы по мне сохнут, сами в постель ложатся. Если бы кого из них не удовлетворил, то затаили бы обиду. Отвергнутая женщина способна на коварство и месть.

– Да, природа тебя статной фигурой и обаянием, не обделила, – с завистью заметил партийный аппаратчик, почесав рукой затылок своей грушевидной головы с проплешиной на темени.

– Каждому свое, Лев Платонович. Тебе – карьера, высокая должность, блага и привилегии при первом секретаре обкома, а мне – женские ласки и наслаждения.

– Супруга Калача тоже попала в коллекцию соблазненных и обманутых женщин?

– Лариса из тех, кому и хочется, и колется. Противилась интиму, а может, набивала себе цену. Желала получить высокую должность, либо дорогие подарки, украшения, импортную одежду и обувь, французские духи, косметику. Еще не встречал женщину, которая бы после красивых ухаживаний сама не отдалась. В желании секса, влечение и похоти женщина превосходит мужчину.

– Надо же, не знал об этом, – удивился Гнедой. – Похоже, теперь тебе не скоро удастся удовлетворить, порадовать свою плоть?

– Сейчас мне не до утех, не остаться бы калекой в инвалидной коляске, – горестно произнес Слипчук.

– Значит, нет дыма без огня. Калач не случайно вспылал к тебе ненавистью на почве ревности?

– Это не дает повода для зверства, тем более что Лариса Юрьевна осталась нетронутой. Как мужчина, ты должен меня понять. Порою очень трудно, невозможно устоять, когда красивая женщина сама готова одарить своими прелестями. Никто из тех красавиц, с кем я был в близких отношениях, не в обиде. Напротив, желали продолжения отношений.

– Что думаешь делать с Калачом? – Лев Платонович неожиданно сменил тему.

– Я же сказал, что не прощу ему жестокости.

– Александр Петрович, ты дал повод, спровоцировал его жестокие действия. Намеревался соблазнить его законную жену, а ревность очень сильное и страшное, часто неконтролируемое разумом, чувство. Возможно, он пребывал в состоянии аффекта.

– Аффект – это внезапная, мгновенная вспышка гнева, а майор подготовился заранее, подстерег меня на трассе в роли инспектором ГАИ, проявил себя, как бандит с большой дороги.

– Если ты обратишься с заявлением в прокуратуру, то это чревато большим скандалом. Будь рядовым коммунистом, то еще, куда не шло, а то ведь партработник, боец идеологического фронта. Начнется следствие, судебный процесс и все любовные похождения вылезут наружу, станут известны общественности. Это нанесет моральный урон авторитету партии. Может тебя устраивает, чтобы все, кому не лень, полоскали грязное белье?

– Нет, конечно, нет. Злая молва страшнее пистолета.

– Рад, что ты это осознаешь. Думаю, что Виктор Сергеевич будет против того, чтобы этот инцидент получил широкий резонанс. Не дай Бог, если информации докатится до ЦК, самого Леонида Ильича или главного идеолога Михаила Суслова. Сразу же последуют оргвыводы и полетят головы. Скандал ударит бумерангом по безупречной репутации Макальца и других ответственных товарищей обкома и райкома партии. Тебе тоже не поздоровится за аморальное поведение. Кто в перспективе захочет иметь дело с партработником, замешанным в амурных приключениях? Никто всерьез не воспримет твои утверждения о том, что женщины более похотливы, чем мужчины, что их следует удовлетворять втайне от официальных мужей-рогоносцев.

– Насчет степени похотливости, не моя версия, а выводы врачей сексологов и гинекологов. Лев Платонович, ты наверняка читал «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса? – неожиданно спросил Слипчук.

– Конечно, читал, как же без этого? – удивился он вопросу. – Какое отношение к ситуации имеет этот фундаментальный труд?

– Прямое. В нем изложена мысль об общности жен, то есть мужчина вправе удовлетворять свои сексуальные потребности с любой женщиной, независимо от того, замужем она или нет, – пояснил Александр Петрович.

– Ты, дорогой, форсируешь события, опережаешь время. Это станет реальным при окончательной победе коммунизма, когда наступит всеобщее равенство и свобода, в том числе в любовных отношениях. Мы с тобой, пока что живем в условиях развитого социализма, поэтому будь добр, соблюдай моральный кодекс строителя коммунизма в его последней редакции. Там нет положения об общности жен и полной свободе в интимной сфере.

– Да, долго ждать придется.

– Ты, что же, не веришь в коммунизм, в светлое будущее? – насторожился Гнедой.

– Верю, конечно, верю, – вяло ответил Слипчук. – Без этой веры невозможно успешно вести пропаганду и агитацию.

– Заговорил я тебя, Александр Петрович, а ведь врач разрешила всего на пять минут, – посетовал Лев Платонович. – Ты не паникуй, бывают ситуации и хуже. Вспомни Павку Корчагина из романа «Как закалялась сталь».

– Тогда шла гражданская война, а этот бандит напал на меня в мирное время, среди бела дня. Исклечил жезлом. Это все равно, что нанести удар ножом в спину.

– Через полчаса у меня встреча с Калачом, что ему передать?

– Дай ему под зад кренделя, – со злостью произнес потерпевший. – Если бы ты, Лев Платонович слышал, какого он мнения о нашей ленинской партии. Это же диссидент, классовый враг, затесавшийся в ряды КПСС. Я не удивлюсь, если узнаю, что он тайно читает книги Александра Солженицына, Виктора Некрасова и других диссидентов, сочувствует академику Сахарову. Куда только наши доблестные чекисты, рыцари плаща и кинжала смотрят?

– Что же он такое крамольное сказал?

– После того, как он нанес удары, я пригрозил ему пленумом райкома. Калач заявил, что наложил он на пленум, плевал с высокой колокольни.

– Прямо так и сказал?

– Дословно. Гнать надо в шею из партии, которую он в грош не ставит, деяниями и клеветой подрывает ее авторитет.

– Что же ты сразу мне об этом не сказал? – упрекнул Гнедой. – Очень серьезный факт. У тебя есть неопровержимые доказательства? Кто-нибудь слышал его мерзкое высказывание?

– Возможно оба водителя. Мой, конечно, подтвердит, а вот его, вряд ли. К тому же оба они беспартийные.

– Эх, этого недостаточно, ведь ты – заинтересованное лицо и поэтому не можешь быть объективным.

– Почему? Мне не доверяешь?

– Доверяю, но тобою, как пострадавшим, движет жажда мести. Вот, если бы магнитофонная запись.

– Кто же знал, что этот разбойник выйдет на большую дорогу, – вздохнул Слипчук. – Мой водитель предлагал не останавливаться, ударить по газам, но я решил уважить начальника милиции. Доверяй после этого...

– Ладно, постараюсь разобраться в ситуации и доложить Макаргу, – обнадежил Лев Платонович. – Виктор Сергеевич решит, дать делу ход? Но в любом случае сделает Калачу серьез-

ное внушение? В какой форме, не знаю? Моя задача, предоставить ему достоверную информацию.

– Гнать надо Калача из партии и милиции метлой, – твердо стоял на своем Слипчук.

– Не горячись, не рви сердце. Тебе нужен покой, – внушал помощник. – Воздержись от заявлений и жалоб в прокуратуру, ЦК, газеты, иначе поставишь крест на своей карьере. Партийный приказ: не выносить сор из избы! Что касается Калача, то он безнаказанным не останется. Мы его, как следует, пропесочим, чтобы впредь не распускал руки. Я передал тебе мнение Виктора Сергеевича, а он слов на ветер не бросает. Не унывай, не падай духом. Постараюсь, чтобы завтра тебя отправили в Симферополь. Посидел бы рядом, но недосуг, надо еще опросить Калача и водителей, успеть с докладом к Макарцу. Прислушайся к его мудрому совету.

– Хорошо, заявлений, жалоб пока писать не буду.

– Правильное решение. Я не сомневался в твоём благоразумии, – Гнедой пожал его вялую руку. Степенно вышел из палаты в коридор к входной двери. У подъезда больницы его поджидала черного цвета «Волга».

6. Холодный прием

В приемной начальника РОВД путь в кабинет Калача преградила хрупкая секретарь-машинистка Анжела:

– Гражданин, туда нельзя!

Обескураженный чиновник, привыкший свободно входить в любые кабинеты, остановился и сообщил:

– Я – помощник первого секретаря обкома партии.

– Мг, помощник – не министр. У нашего районного прокурора и старший, и младший, и просто помощник есть. Одним словом, обслуга.

– Я – не обслуга, а правая рука Макальца. Вам эта фамилия о чем-то говорит?

– Хотя правая нога. Мы не делаем различия между посетителями, для всех порядок один.

– Не язвите, у меня к Калачу срочное дело.

– К майору все приходят со срочными, неотложными делами, – упорствовала секретарь-машинистка. У нас не проходной двор, а солидное учреждение. Товарищ майор сегодня не принимает, у него совещание с офицерами.

– Как это не принимает?

– Вам следовало заранее записаться на прием.

– Сообщите ему о моем прибытии.

– Он приказал не беспокоить.

– Как вас зовут?

– Анжела.

– Член КПСС?

– Нет, комсомолка.

– Жаль, я бы с вами по-другому поговорил, – огорчился Гнедой.

– Что вы голову морочите, предъявите удостоверение!

Лишь после того, как посетитель показал краснокожую книжицу, она прочитала и искренне рассмеялась:

– Ну, и фамилия у вас, жеребьячья, Эх, гневные, воронные в яблоках, залетные...

– Не ерничай, – одернул посетитель. Она сняла телефонную трубку с рычага аппарата:

– Товарищ майор, на прием просится гражданин Гнедой Лев Платонович, помощник из обкома партии. Клянется, что по срочному делу. Что прикажете, с ним делать?

Из публикаций в прессе, информации по ТВ и радио Калач знал о существовании помощника первого секретаря обкома по фамилии Гнедой. Считая свиту советников, помощников, инструкторов, лекторов мелкими клерками на побегушках, он не испытывал к ним пиетета. «Чиновник, не генерал, невелика шишка, подождет», – решил майор. Анжела, выслушав наставление, сухо сообщила:

– Начальник велел подождать до окончания совещания минут десять-пятнадцать.

– Да, развели бюрократизм, – проворчал Лев Платонович, привыкший к тому, что при упоминании о должности перед ним, раскрывались любые двери. Он нервно прошел по приемной и присел на стул.

«Калач специально муржигит, чтобы показать, какой он острый перец, хочет вывести из равновесия», – подумал Гнедой. Совещание завершилось через семнадцать минут. Из кабинета вышли несколько офицеров – начальников отделений. На тумбочке прозвучал зуммер телефона прямой связи. Анжела подняла трубку и, взглянув на посетителя, разрешила:

– Проходите, пожалуйста, товарищ майор ждет.

– Это я его ждал, – сухо отозвался парторботник и порывисто прошел в кабинет.

– Вячеслав Георгиевич, вам, что партия, обком уже не указ? Словно рядового посетителя мурыжите в приемной, – вместо приветствия, строго потребовал партийный аппаратчик.

– Не шумите, не шумите, пощадите мои и свои барабанные перепонки, – жестом руки остановил начальник РОВД и перешел в атаку. – Уважаемый товарищ Гнедой, лучше скажите, какое у вас звание?

– Звание? – опешил Лев Платонович и, после паузы с гордостью сообщил. – Заслуженный работник народного просвещения. До назначения на должность помощника первого секретаря обкома работал заведующим городским отделом образования.

– Поздравляю! Я спрашиваю о воинском звании?

– Старший лейтенант. После переподготовки военком обещает присвоить звание полковник.

– Когда станете полковником, тогда и будете командовать парадом, а пока, будьте добры соблюдайте субординацию.

– Кроме субординации действует Устав КПСС, нормы партийной этики. Как коммунист, вы обязаны их соблюдать.

На эти доводы у Калача не нашлось убедительного контраргумента и поэтому, решив не обострять отношения, он смягчил тон:

– Извините, Лев Платонович, важное совещание, не имел права прервать. В раскрытии преступления оперативность действий имеют решающее значение, каждая минута на вес золота. Если не задержим преступника по «горячим следам», то шансы на успех будут минимальны. Вы же потом за низкие показатели снимите стружку.

– За позитивные результаты не снимем, – нравоучительно заметил Гнедой. – Надеюсь, догадались о причине моего визита?

– Я – не экстрасенс, не гадалка, сообщите, пожалуйста, – слукавил майор.

– Нетрудно сообразить. По поводу инцидента со Слипчуком.

– А-а, мелкая ссора, не стоящая выеденного яйца. Глубоко сожалению, что вам приходится на это тратить свое драгоценное время.

– Мелкая? Как бы не так. Почему после этой «мелкой ссоры» Александр Петрович с тяжелыми увечьями оказался на больничной койке с перспективой остаться инвалидом?

– Не знаю, где и когда он умудрился покалечиться? Работа у него вроде бы не связана с производством, станками, тракторами, машинами... Короче, непыльная, кабинетная с докладами, протоколами и прочими бумагами.

– Давайте, без иронии и юмора. Человек пребывает в тяжелом состоянии, а вы, как красная девица, ломаете комедию, – строго потребовал Гнедой.

– Что же, отвечу прямо в лоб. Имея юридическое образование, четко зная свои права, я действовал в рамках закона, в целях самообороны.

– Неадекватно реальной угрозе жизни, с превышением средств обороны, – заметил Гнедой. – Почему вы с жезлом напали на Александра Петровича?

– Какие могут быть претензии? Желз – не бейсбольная бита, не кувалда или дубинка, а рабочий инструмент инспектора ГАИ.

– Но вы не инспектор ГАИ?

– Начальник милиции обязан быть универсалом, чтобы в любой момент мог подменить не только инспектора ГАИ, но и следователя, участкового, сотрудника ППС, ДПС, медвытрезвителя или вневедомственной охраны. Лишь тогда, овладев многими функциями, вправе потребовать от подчиненных: делай, как я.

– Это пафос, громкие слова.

– Нет, реальная жизнь, – возразил майор и неожиданно озадачил вопросом. – Лев Платонович, кто вы по образованию?

– Историк.

– Вот и занимайтесь историей, а юриспруденцию оставьте специалистам, профессионалам. Они разберутся, превысил я меры самообороны или, наоборот, обезопасил себя от реальной угрозы жизни и здоровью. Этот, невыработанный в карьерах, бабник был в стельку пьян, не отдавал отчет своим действиям. Зять Леонида Ильича, первый замминистра МВД Щелкова генерал-лейтенант Чурбанов точно подметил, что человек, пребывающий в пьяном или наркотическом состоянии, является потенциальным преступником.

– Общеизвестная, прописная истина, – произнес Гнедой.

– Не отрицаю, но факты – упрямая вещь. Лучше разберитесь, почему партработники после совещаний лыка не вяжут, распускают руки. Кто им наливает горячительные напитки для подрыва авторитета партии? Куда смотрят наши чекисты?

– Мы дадим политическую, партийную оценку его и вашим действиям, – сурово пообещал помощник. – Сейчас речь о вас. На какой пленум райкома партии вы собирались наложить кучу фекалий и наплевать с высокой колокольни?

– Что вы, Лев Платонович, это бред сивой кобылы?! – возмутился Калач. – Вас дезинформировали для того, чтобы меня – борца с преступниками, расхитителями социалистической собственности – опорочить, оклеветать и скомпрометировать. У меня даже в мыслях такого не было. Партийный билет считаю выше любой должности и звания.

– Кто бы сомневался. Конечно, выше, ведь, если отберут партбилет, то лишитесь должности, звания, персонального авто и прочих благ.

– Разве это возможно? – насторожился начальник милиции.

– Вполне.

– Лев Платонович, посудите трезво. Слипчук после того, как получил по заслугам, находится в крайне возбужденном психическом состоянии. Лежит в палате, целый день таращит глаза в потолок. От тоски волком завоешь. Вот он из мести ко мне и сочиняет всякие небылицы, что в голову взбредет. Может, моча в голову бьет и сперма на череп давит? Пусть им займутся психиатр и сексопатолог. У него по этой части явные маниакальные отклонения от нормы. Ни одну юбку не пропустит мимо.

– Он заявил, что пальцем не прикоснулся к вашей жене.

– Значит, сожалеет, что не успел мне наставить рога, – усмехнулся Калач. – Даже, если он с Ларисой не переспал, то других женщин подмял под себя. Поэтому в качестве предупреждения, профилактики получил за порочную страсть, за чужих жен и дочерей, пострадавших от его сексуальных домогательств.

– Кто вам сказал, что они считают себя пострадавшими, может наоборот, счастливыми? Вы не осознали всей тяжести совершенного деяния, – сделал вывод Гнедой. – Готовьтесь к серьезному разговору в обкоме партии.

– К вашим услугам, – холодно отозвался майор.

– Кстати, в каком состоянии вы находились во время инцидента?

– В нормальном, трезвом. У меня на алкоголь аллергия.

– Все равно потребуется справка о медицинском освидетельствовании.

– Без проблем, – ответил Калач.

– За фекалии, плевок с колокольни, клевету на партию, придется ответить по всей строгости Устава КПСС, – напомнил Гнедой.

– С какой еще колокольни? – удивился майор.

– С высокой.

– Слово к делу не пришьешь. У Слипчука нет ни свидетелей, ни магнитофонной записи, а значит, веских доказательств, – заявил начальник РОВД. – Лев Платонович, поверьте мне, как юристу и опытному оперативнику, картина события банальна.

Слипчук – патологический бабник, пользуясь своим высоким партийным положением, возомнил, что ему все дозволено. Когда я его по-товарищески попросил оставить жену Ларису

в покое, не домогаться близости с ней, он полез в драку. Я вынужден был в качестве самообороны оказать сопротивление в соответствии с нормами Уголовного кодекса и положения о милиции. Вправе был применить табельное оружие, сделать предупредительный выстрел, а второй – на поражение.

– Даже так?! – удивился Гнедой. – Не слишком ли круто?

– Не слишком. На Западе полисмены, копы при угрозе своему здоровью и жизни, стреляют без предупреждения, – сообщил майор.

– На буржуев, наших классовых врагов, эксплуататоров трудового народа, не следует равняться, – возразил помощник.

– Знаю, что нам с ними не по дороге, но кое-что полезное можно позаимствовать?

– Ладно, обойдемся без полемики, – снисходительно промолвил Лев Платонович и, вспомнив о секретаре-машинистке, поинтересовался. – Откуда у вас такая строгая девица? Язвит и хамит. Причислила меня к обслуге, моя фамилия ей не понравилась, назвала ее жеребьячей. Нормальная фамилия. Не объяснять же каждому, что мои предки занимались лошадьми, профессия стала фамилией...

– Конокрадством что ли занимались? – бросил реплику Калач.

– И вы туда же, – обиделся партработник. – Конокрадством чаще всего промышляли цыгане, а мои предки честно зарабатывали свой хлеб насущный. Ходили за сохой, растили хлеб. Прадед работал в Сибири ямщиком, извозчиком. Это ныне технический прогресс потеснил гужевой транспорт, а прежде конь вместе с рабочим классом и крестьянством был основной производительной силой.

– Лев Платонович, ни за что не поверю, чтобы евреи ходили в конюхах и управляли кибиткой или санями, – заметил офицер. – Медицина, торговля, банк, цирк, эстрада – вот их удел. Испокон века они там, где меньше работы и больше денег. Наверняка, ваши предки действовали в сговоре с цыганами, которые воровали коней, а те их сбывали на базаре.

– Вячеслав Георгиевич, с чего вы взяли, что я еврей? Великого русского писателя Толстого тоже звали Львом.

– Знаю, что Львом Николаевичем, но не Платоновичем, – уличил его начальник милиции.

– Не уводите разговор в сторону, не смещайте акценты, – сухо произнес Гнедой. – Если я займусь вашей родословной, то обязательно обнаружу примесь еврейской крови. А, если окунуться глубже, то и монголо-татарской, ведь Русь триста лет была под игмом Золотой орды. Азиаты много женщин перепортили.

– Лев Платонович, не обижайтесь, но у вас ярко выраженные признаки.

– Майор, не забываетесь! Я указал на грубость секретарши, а вы туда же, – напомнил он.

– У нас здесь не институт благородных девиц. Вспомните припев из песни «наша служба и опасна, и трудна». Вынуждены постоянно общаться с деклассированными элементами, уголовниками, алкоголиками, проститутками, наркоманами, аферистками и прочим сбродом, и это накладывает отпечаток на характер. Поэтому сотрудники милиции суровы, жестки и принципиальны. Никому не дано право помыкать блюстителями закона и правопорядка. Здесь вам не театр, не концертная студия.

– Секретарь-машинистка не ловит преступников, а сидит за столом, отвечает на телефонные звонки, заваривает кофе и чай, – заметил Гнедой. – Может я не прав?

– Да, в оперативно-розыскных мероприятиях она не участвует, хотя, если потребуется, не откажется. Знает, что такое подъем ночью по тревоге.

– Тогда откуда такой гонор? Я на вашем месте заменил бы Анжелу на современную, культурную, вежливую женщину.

– Не могу, совесть не позволяет.

– Почему?

– Судьба ее обидела. Она – вдова нашего офицера, погибшего в Афганистане при исполнении интернационального долга. Он напоролся на засаду душманов. На ее иждивении двое несовершеннолетних детей.

– Печально, сочувствую. Но это не может быть поводом для грубости. Проведите с ней воспитательную беседу. Объясните, что к людям, особенно партийно-советским работникам, следует относиться с уважением.

– Хорошо, выкрою время, поговорю, – пообещал майор.

– Пора и честь знать, – произнес Гнедой, поднявшись с кресла.

– Что-то сухой у нас получился диалог, – посетовал Калач. – Лев Платонович, путь не близкий. Знаю, что вы в дороге проголодались? Предлагаю кофе с бутербродами или что-нибудь покрепче?

– Насчет покрепче, отставить! – властно произнес партаппаратчик. – Рабочий день еще не закончился.

– В милиции он не нормирован, – заметил хозяин кабинета. – Лев Платонович, не обижайтесь. Говоря о крепких напитках я, имел в виду вечер в ресторане «Золотой колос». Куда вам торопиться? Посидим, погудим. Угощаю на правах принимающей стороны...

– Вынужденно принимающей стороны, – подчеркнул Гнедой. – Сейчас не тот случай, когда можно сидеть и гудеть. Вечером я должен быть у Макальца. Еще надо опросить очевидцев инцидента водителей Трошина и Цыгейка.

– Зачем вам терять драгоценное время на этих мужиков? Они находились в стороне и вряд ли что новое добавят к моей исчерпывающей информации, – произнес Вячеслав Георгиевич.

– Иногда малая деталь дает представление о сути происшествия, события, – возразил партфункционер.

– Пожалуй, вы правы, детали, улики важны для объективного следствия, – согласился майор и предпринял вторую попытку. – Давайте совместим полезное занятие с весьма приятным?

– Каким образом?

– Если вас не устраивает ресторан, то предлагаю баньку, сауну с дубовыми и березовыми веничками. А потом, как полагается, застолье в укромном месте, подальше от чужих глаз и ушей. Кстати, если вы любитель «клубнички», то к услугам красивые девочки без комплексов и предрассудков.

– Что вы предлагаете, в своем ли уме!? – возмутился Гнедой. К его лощеным щекам прилила кровь. – Не будьте циником, Как можно развлекаться, когда Александр Петрович находится на больничной койке. Я о вас был лучшего мнения.

– Я тоже, – парировал начальник РОВД. – Лев Платонович, ваша предвзятость ко мне очевидна. Следуя традиции партийной корпоративности и солидарности, вы горой стоите за Слипчука. Он вам ближе по духу, а я – пришей кобыле хвост. Поэтому иллюзий насчет справедливого решения не питаю. Но имейте в виду, если почувствую ущемление своих прав, то молчать, посыпать голову пеплом не стану. Обком партии – не последняя инстанция, есть еще ЦК КПУ и ЦК КПСС, партийная комиссия.

– Вячеслав Георгиевич, в оценке инцидента я постараюсь быть максимально объективным, – заверил Гнедой. – Упреки в партийной корпоративности и солидарности неуместны, так как дело касается коммунистов, независимо от того, в каких ведомствах, учреждениях они служат или трудятся. Обращаться в ЦК нецелесообразно, ибо в первую очередь в ваших интересах не выносить сор из избы. Уверен, что министр Щелоков не будет в восторге, если узнает, что его подчиненный уподобился разбойнику с большой дороги. Этот факт вызовет у него ярость, тогда увольнение из милиции неизбежно.

– Значит, еще до полного и всестороннего расследования конфликта вы считаете меня разбойником. А клялись в отсутствии предвзятости, – поймал его на слове начальник РОВД и попенял. – Вы – не юрист, и тем более, не следователь, поэтому не вправе квалифицировать вполне мотивированный поступок. К тому же, еще никто не отменял презумпцию невиновности. А по поводу выноса сора из избы, так это не в интересах руководства обкома партии.

– Отчасти вы правы, поэтому я пытаюсь найти компромиссное решение, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы, – признался Лев Платонович. Калач проводил гостя до двери. Нехоту обменялись дежурным рукопожатием.

«Мягко стелет, да жестко будет спать. Да, с этим упертым клерком надо ухо держать востро. Похоже, каши с ним не сваришь, – огорчился Калач. – И до него было в гостях немало партийных и милицейских чиновников, но от сауны, охоты, рыбалки, ресторана, пикников с участием знойных девиц никто не отказывался.

Попадались нормальные мужики, охотно пили коньяк, водку и вино, мяли покладистых баб, травили анекдоты, а этот Гнедой жеребец, оказался упрямым. Если генерал Добрич не выручит, то уволят из милиции, еще и под статью УК подведут. Хорошо, что сработала интуиция, догадался проинструктировать водителей Трошина и Цыгейка на случай расследования. Михаил меня не сдаст, а на Федора нагнал страху, поэтому тоже изложит мою версию».

Такая перспектива развития событий Калача несколько утешила.

7. На «ковер» с докладом

Через два с половиной часа водитель доставил Гнедого в Симферополь. В поздний вечер окна в кабинете первого секретаря обкома ярко светились. «Ждет Виктор Сергеевич, волнуется», – подумал Лев Платонович и по ковровым дорожкам на лестнице и в тихом коридоре направился на доклад.

– Что со Слипчуком? – с места в карьер спросил Макарец.

– Прогнозы неутешительны, надолго, если не окончательно, выведен из строя, – с грустью ответил помощник.

– Подтвердились ли обвинения в аморалке?

– По достоверной информации из местного отдела КГБ, Александр Петрович чуть ли не всех красивых женщин в аппаратах райкома и райисполкома перепробовал. Впрочем, никто из них в инстанции не жаловался: то ли остались довольны, то ли опасались скандалов? Даже без анонимок обошлось. Загадочная женская натура. Похоже на то, что и жену Калача собирался положить под себя.

– Женщин он пробовал по принуждению или взаимному согласию?

– Его пассив я об этом не спрашивал, слишком деликатная тема, – признался Гнедой. – Вы же знаете, что Слипчук импозантный, симпатичный, коммуникабельный мужчина. Одевается модно с иголки, блещет эрудицией, красноречием. Неравнодушен к женщинам, щедрый на подарки и комплименты. Женщинам такие ухажеры очень нравятся.

– Он не ухажер, а партийный работник, идеолог, – сухо напомнил Макарец.

– Заигрался в служебные романы, – посетовал Лев Платонович. – Наверное, многие из соблазненных им женщин считали за честь переспать с таким красавцем. И не только ради удовольствия, но и с корыстью для карьерного роста.

– С женой Калача тоже переспал?

– Поклялся, что не прикоснулся к ней пальцем, сугубо деловые отношения. Впрочем, кто же в этом сознается. Если и согрешили, то по взаимному согласию. Не проводить же мед-экспертизу?

– А что, чекисты? У них есть информация о порочных связях Слипчука и Калача?

– Разводят руками. Говорят, что для наружного наблюдения за номенклатурой требуется разрешение «сверху». Свечку не держали, но сообщили, что Александр Петрович часто приглашал Ларису Юрьевну Калач и других красивых женщин в свой кабинет. Возможно, там, комнате для отдыха и совокуплялись, дело ведь нехитрое.

– Перед искушением редко кто устоит, – согласился Виктор Сергеевич.

– Чекисты сетуют на большую загруженность, так как в поселке и селах района активизировались сектанты: баптисты-пятидесятники, адвентисты седьмого дня и свидетели Иеговы. У последних сектантов изъяли комплект журнала «Сторожевая башня» и агитационные брошюры, изданные в Бруклине. По сути, это «пятая колонна», агенты влияния, наносящие вред не только православию, но и советскому строю. Они задействованы в тайных операциях ЦРУ, ФБР, АНБ и других западных спецслужб.

– Да, с этими мракобесами надо усиливать борьбу. Недоработки, упущения тех же Слипчука и Калача. Вместо того, чтобы пресечь сектантов, агентов капитализма, они делят баб.

– В случае насилия, Лариса Юрьевна не молчала бы. Она дама с характером, гордая. Если между ними и возникла страсть, произошла интимная близость, то по взаимности, – сообщил Лев Платонович.

– Почему чекисты раньше не сигнализировали об аморальном поведении Слипчука? Всполошились, когда запахло жареным? – возмутился Макарец.

– Так ведь и другие госслужащие грешат этим делом, – произнес помощник. – Как говорится, запретный плод всегда слаще.

– Грешить надо с умом, – заметил первый секретарь обкома.

– В КГБ на шалости Слипчука закрывали глаза, мол, это личная, интимная жизнь гражданина.

– У нас с вами, Лев Платонович, на сей счет больше возможностей, однако не позволяем себе вольностей, усмиряем плоть, не поддаемся соблазнам, искушениям, не порочим моральный облик коммуниста.

– Да, не порочим, – подтвердил Гнедой.

– Получается, что Слипчуку поделом перепало. Надо перевести его на хозяйственную работу, в какой-нибудь захудалый колхоз, быкам хвосты заносить, – вслух рассуждал Виктор Сергеевич.

– В селе тоже много красавиц, взращенных на молоке, масле, фруктах, ягодах и овощах, – напомнил помощник.

– Пусть энергию расходует не на баб, а на то, чтобы вывести колхоз в передовые. Там не шибко разгуляется. За нравами следят старушки и старики сталинской закалки. Мимо них мышь не пробежит.

– Эх, Виктор Сергеевич, в саду, в лесополосе, на сеновале легко со знойной голубкой спрятаться от чужих глаз. Хотя какой из Слипчука в инвалидной коляске председатель колхоза и сердцеед. Через ногу не сможет перелезть, нескоро его потянет на баб.

– Насчет сеновала из личного опыта, что ли знаешь? – усмехнулся первый секретарь.

– По молодости лет, – с грустью вздохнул помощник. – Весна, комсомол и любовь. Все мы в те годы норовили девчат портить. Особенно весной, когда гормоны бурлят. Как мартовские коты, искали любовных приключений.

– С водителями драчунов встречался?

– Непременно. Михаил Трошин – водитель Калача, как водится, на стороне своего шефа. Сообщил, что Слипчук первым затеял поединок, поцарапал майору лицо и нос, тот вынужден был обороняться. Поведение водителя Слипчука мне показалось странным.

– В чем именно?

– Буром пошел против Александра Петровича. Заявил о том, что тот выпил в ресторане «Старая крепость» триста граммов коньяка и при встрече с Калачом первым полез в драку, поцарапал майору лицо и нос. В общем, слово в слово, будто под копирку, повторил показания Трошина. Я уверен, что Калач, обладая опытом оперативной работы, успел их проинструктировать. Скорее всего, склонил Цыгейку на свою сторону, посулив должность, блага или, напротив, шантажировал, угрожал и тот сдался.

– На лице Калача есть следы насилия?

– Нет, успели сойти.

Макарец, напустив на лицо суровость, спросил:

– Против кого будем заводить персональное дело?

Пристально поглядел на Льва Платоновича. Тот медлил с ответом и после паузы произнес:

– Зачем?

– Как это зачем? Мы обязаны жестко реагировать на инцидент другим коммунистам в назидание. А то ведь одни возомнят себя Казанова, а другие – ревнивцем Отелло. Иначе не удастся пресечь разборки с травмами и скандалами, порочащими высокое звание коммуниста.

– Виктор Сергеевич, скандал надо замять, спустить на тормозах, пока не получил широкий резонанс, – посоветовал помощник. – Если информация дойдет до ЦК партии, до генсека, то Леонид Ильич поручит Суслову и Пельше разобраться. Эти аксакалы раздуют кадило, что нам не поздоровится. Вороньем слетятся журналисты из Москвы, в том числе из «Правды»

в погоне за сенсацией, жареными фактами, пострадает ваша репутация. Зачем нам эти осложнения и дурная слава?

– Резонанс, репутация? – Макарец призадумался. – Дурная слава нам не нужна. Тогда труженики ни ордена, ни переходящего Красного знамени за достижения в соцсоревновании не получают, останутся без наград и почестей и отдельные передовики производства и ударники труда.

– Будь у нас рядовая область, как та же Житомирская, Херсонская, Тернопольская, а ведь Крым – всесоюзная здравница, летняя резиденция генсека и членов Политбюро. Едва в мае-июне прогреется море, весь политический бомонд, как перелетные птицы, слетаются на южный берег в Ялту, Алушту, Севастополь, Евпаторию, Симеиз, Алупку...

Как историк, напомню, что это повелось еще с вояжа императрицы Екатерины II и других самодержцев, в том числе последнего царя из династии Романовых Николая II, известного, как кровавый, облюбовавшего Ливадийский дворец, откуда он совершал прогулки по царской тропе...

– Лева, ты осторожнее с такими сравнениями, параллелями и аллегориями. Могут возникнуть неприятности. По твоему получается, что генеральный секретарь ЦК КПСС и члены Политбюро мало, чем отличаются от венценосных персон, – предостерег Макарец. – А насчет инцидента, пожалуй, ты прав, надо взвесить все «за» и «против», чтобы не ударило бумерангом. Злопыхатели, сексоты, анонимщики настучат «наверх» по линии КГБ или в комиссию партийного контроля. Как тогда будем выглядеть, какую нам дадут оценку? И на кофейной гуще гадать не надо. Пропесочат по полной программе за укрывательство негативных фактов.

– Вполне вероятно, но риск – благородное дело, – напомнил Гнедой. – В случае утечки информации объясним свою позицию, мол, решили разобраться на месте, чтобы не отвлекать ЦК от важных дел. Покаемся, а повинную голову меч не сечет.

– Лев Платонович, тебе бы дипломатом работать, чтобы нашим идейным врагам мозги пудрить, – польстил первый секретарь.

– Не откажусь, походатайствуйте перед главой МИДа Андреем Громыко, вы ведь с ним часто пересекаетесь в ЦК.

– Твои мудрые советы мне самому нужны, поэтому дорожу надежными помощниками и советниками. За усердие в выполнении деликатных поручений летом вместе с семьей отдохнешь в санатории ЦК КПСС «Россия», что вблизи Ливадии.

– Премного благодарен, но я предпочел бы санаторий «Южный».

– Высоко замахнулся. Даже мне не просто получить туда путевку, – признался Виктор Сергеевич. – Этот санаторий предназначен для членов Политбюро и лидеров коммунистических и рабочих партий стран социалистического лагеря и «третьего мира». Мы еще не доросли до их статуса. Будем довольствоваться тем, что положено по рангу.

Лоснящееся жиром лицо Гнедого расплылось в лукавой улыбке.

– На завтра к семнадцати часам вызови ко мне на ковер Калача, Слипчука и генерала Добрича, – велел Макарец.

– Слипчук нетранспортабелен.

– Тогда Добрича и Калача, снимем с них стружку, – строго произнес первый секретарь обкома. – Ох, эта доблестная милиция, сколько с ней хлопот и проблем. То ли дело КГБ. Чекисты работают аккуратно, без лишнего шума и скандалов. За их действия и репутацию я спокоен, не подведут, надежные товарищи.

– Неудивительно. Подбор кадров в это ведомство очень тщательный, как в космонавты, – заметил помощник. – Все имеют высшее образование, родословную проверяют до третьего колена. Одним словом, интеллектуалы, эрудиты, белые воротнички. А милиции приходится выполнять функции ассенизаторов, чистильщиков общества от деклассированных элементов, поэтому нет гарантий от ЧП и скандалов.

– Но Калач не рядовой милиционер, а начальник РОВД, коммунист, – возразил Виктор Сергеевич.

– И на старуху бывает проруха, – вздохнул Гнедой. – Его обуяла ревность и мания вседозволенности.

– Ладно, Лев Платонович, охладим пыл ревнивого Отелло. Но о нашем компромиссном решении, ни слова. Поддержим его и генерала в напряжении, чтобы глубоко прочувствовали и осознали драматизм ситуации и негативные последствия. А то прикрываются погонами и лампасами, словно бронежилетом, как во времена НКВД, когда над партией верховодили. Следует поставить их на место.

8. Размолвка и отчуждение

– Вячеслав, Слава, по поселку ползут слухи о том, что ты жестоко избил Слипчука? – вечером после ужина, то ли спросила, то ли сообщила Лариса Юрьевна. – Мне скоро с расспросами о подробностях проходу не дадут. Это правда или очередная утка, клевета, чтобы опорочить твоё и моё имена, запятнать репутацию?

– Слухи, сарафанное радио? А может он тебе сам поплакался в жилетку, чтобы пожалела, утешила и обогрела? – резко отозвался Калач.

– Вячеслав, я тебе уже не один раз говорила, что у меня с Александром Петровичем сугубо деловые отношения. Лишь потому, что я заведу не свинофермой или птичником, а отделом культуры исполкома, то есть той сферой, которую он курирует, сотрудничество, общение, контакты неизбежны.

– Понятно, какие контакты, – распалялся супруг.

– Не придирайся к словам, деловые контакты. Это же ясно, как божий день. Без этого общения невозможно провести сколько-нибудь общественно значимое культурное мероприятие. Необходимы согласование, одобрение и поддержка отдела пропаганды и агитации, художественного совета. У нас, кто рулевой в стране? Партия. Вот я и держу на неё равнение. Твои подозрения неуместны, оскорбительны и обидны...

– Не давай повода, не строй ему глазки. Мне всё известно, каждый твой шаг.

– Значит, установил слежку? Верить сплетницам и завистницам, а не родной жене?

– Лучше бы ты занималась свиньями и курами, чтобы этот пижон, не ошивался возле тебя, как кот возле сметаны или оса возле меда, – хмуро произнес Калач. – Ты поднаторела в риторику и казуистику, умеешь выйти сухой из воды. Говоришь, что у вас сугубо деловые отношения. Но он тебе уделяет больше внимания, чем другим женщинам. Постоянно выделяет среди других, не скупится на поощрения и подарки? Тебе это льстит, возвеличивает на фоне коллег. Понятно, что они завидуют, подталкивают тебя к аморалке. Не за красивые же глаза Слипчук оказывает знаки чрезмерно повышенного внимания?

– Я не страдаю звездной болезнью и тщеславием, а просто добросовестно выполняю свою работу, – ответила Лариса. – То, что меня поощряют и награждают, не от меня зависит. Не могу же я запретить, да и глупо отказываться от сувениров и других презентов. В жизни не так уж много маленьких радостей, сплошная монотонность и серость.

– Что же прикажешь тебя постоянно развлекать? Ты же понимаешь, какая у меня напряженная работа, что на личную семейную жизнь не остается времени.

– Хотя бы иногда вспоминал, что у тебя, кроме милиции, есть жена.

– Вот я и вспомнил. И насчет слухов, как говорится, нет дыма без огня. Получил твой ухажер по заслугам, чтобы не лип к тебе, как банный лист, – продолжил он. – Можешь навещать своего Ромео в больнице. Это для него будет подобно бальзаму, элексиру молодости. Быстрее выздоровеет, а то ведь есть риск остаться калекой и остаток дней провести в инвалидной коляске.

– Не злорадствуй. Горе, беда имеют, словно бумеранг, свойства возвращаться к тому, кто их совершил по отношению к другому человеку.

– Мистика, суеверие, бабушкины сказки.

– Что же ты наделал? – Лариса в отчаянии обхватила голову руками. Тебя за нанесение телесных повреждений, тем более должностному лицу такого ранга, могут арестовать, уволить из органов, приговорить к лишению свободы на длительный срок.

– Ты не меня, а его сейчас пожалела. Я это почувствовал кожей. Может дело у вас слишком далеко зашло, он успел обворовать и уложить?

– Не смей меня порочить, – с обидой возразила супруга. – У нас с Александром Петровичем не было и никогда не будет близких отношений. Он не в моем вкусе.

– А как же любовные письма с признаниями: «дорогая, милая, нежная Лариса...»?

– Они остались безответными, как в стихотворении Есенина «Сукин сын», хотя в отличие от героини, я их прочла. Обычный флирт и не более, желание понравиться и покорить. Он со многими женщинами себя так ведет. Ты ведь тоже равнодушен к молодым и стройным грациям. Но я к твоим страстям, капризам и прихотям терпима. Не впадаю в истерику, не закатываю скандалы, потому, что понимаю, что мужчина по своей природе – самец, охотник.

– Лариса, во-первых, на баб у меня нет времени, а во-вторых, если я кому-то и симпатизирую, то не перехожу границы приличия, – возразил он. – Слипчук возомнил себя боссом, большой шишкой, для которого не существует запретов. Вот я его и опустил с небес на грешную землю. И то, что посадка для него оказалась слишком жесткой, сам и виноват.

– Слава, ты неисправимый ревнивец и эгоист. Вместо того, чтобы испытывать гордость за то, что твоя жена нравится другим, ты устраиваешь кулачный бой. Что же теперь будет? Тебя уволят, исключат из партии? Это крах.

– Не паникуй. Исход конфликта зависит от того, подаст ли бабник заявление в прокуратуру или решит не обострять ситуацию?

– Лучше наведайся к Александру Петровичу в больницу, покаяйся, скажи, что погорячился, мол, поверил клевете, был вне себя. Я уверена, что он не кровожадный и простит, – взмолилась супруга.

– Ты в своем уме? Ни в коем разе. Он это расценит, как мою слабость, и, даже трусость, признание вины и страх за последствия. Нет, нет и нет! – твердо произнес он.

– В таком случае, ради спасения нашей семьи, а сама с ним встречусь и попрошу проявить к тебе снисходительность, – столь же твердо сообщила она.

– Запрещаю! Он обязательно потребует от тебя плату. Сама понимаешь, какую. Этот инцидент не стоит такой жертвы. Лариса, не суетись. Были в жизни ситуации и сложнее. Переживем и эту. Здоровьем, умом и силой я не обижен, голова на месте, руки-ноги целы, а работа всегда найдется.

К счастью, в стране нет безработицы, бродяг, попрошаек и тунеядцев устраиваем без проблем или по статье 214 УК отправляем на «химию» и другие стройки народного хозяйства. Подамся в адвокатуру. Опытные защитники на гонорарах зарабатывают больше начальника милиции, голова не болит за криминогенную обстановку. Зато теперь никто из сексуально озабоченных бабников не сунется к тебе с непристойными предложениями.

– Ты ведешь себя, как собственник, хозяин гарема. Я ведь не прислуга, не кухарка, а личность с характером и женскими слабостями. Любой женщине, как и кошке, доброе слово приятно. Вспомни, когда ты мне дарил духи?

– На день рождения и 8 Марта.

– Вот именно. Но это всего лишь два дня из 365 в году.

– Виноват, но ты, же знаешь, какая у меня служба, рабочий день не нормирован. Совершенно нет времени бегать по цветочным рынкам и магазинам.

– Вспомни, когда мы с тобой были на концерте или в театре?

– 10 ноября в День советской милиции на концертах солистов крымской филармонии Софии Ротару и Юрия Богатикова.

– У тебя совершенно нет времени на жену и детей. При живом муже я чувствую себя соломенной вдовой. А вот Александр Петрович, даже при его ответственной партийной работе, выкраивает время на театры, музеи, концерты и другие культурные мероприятия.

– Да, у него свободного времени, хоть отбавляй, – вспыхнул Калач. – Языком болтать – не землю пахать, а демагогию разводить – не бандитов ловить, постоянно рискуя здоровьем и жизнью.

– У тебя для задержания преступников есть подчиненные, личный состав, работники угрозыска, следователи, кинологи с овчарками...

– Что же мне, по-твоему, отсиживаться в окопах и кустах, когда другие рискуют жизнью?

– Но и лезть на рожон не следует. Надо думать обо мне и детях. Кто о нас позаботится в случае трагедии?

«Если бы у нее был роман со Слипчуком, то она бы так не тревожилась о будущем, о моей безопасности и здоровье, ведь недаром подмечено: «какая грустная жена не мечтает стать веселой вдовой», – подумал майор, окинув взглядом ее стройную, изящную фигуру. Лариса Юрьевна стояла у освещенного заходящим солнцем окна.

«Все-таки замечательная у меня жена. А то, что мужики провожают ее взглядами, так созерцать красоту никому не запретишь. Главное, чтобы их симпатии и вожделения не преступали границы дозволенного. Любовные письма Слипчука, если они остаются безответными, еще не факт их интимной близости. Как говорится, не пойман – не вор, – продолжил он размышлять. – Возможно, я действительно, поторопился, наломал дров со столь грубым выяснением отношений. Все-таки он не рядовой гражданин, которого в отместку за домогательства к супруге, можно было бы для профилактики поместить в ИВС или медвытрезвитель.

В масштабах района второй секретарь – большая шишка и сумеет отомстить по полной программе. Проступок, если конечно, инкриминируют, как злостное хулиганство по статье 206 часть 3 УК, будет стоить мне увольнения из органов МВД, исключения из КПСС и осуждения на пять-шесть лет в ИТК строгого режима без отсрочки исполнения приговора. Это – катастрофа».

– Слава, у меня тревожно на сердце, ноет и щемит, – призналась женщина, будто проникнув в сонм его мыслей. – Очень плохое предчувствие. Тебя могут арестовать?

– Вполне. Но не будем загадывать, утро вечера мудренее, – попытался ее утешить. – Уже поздно, погас закат, пошли отдыхать. Может это наша последняя ночь перед долгой разлукой. Подари мне свою нежность.

– Прости, но я не настроена, на сердце кошки скребут. Дай Бог, чтобы беды и неприятности прошли мимо.

– Ты все-таки жалеешь бабника.

– Глупо, дико после такого случая предаваться утехам. В тебе опять закипает лютая ревность, – с обидой промолвила Лариса. – Как ты не можешь понять, что Александр Петрович многим, в том числе замужним, женщинам оказывает знаки внимания. Такой он любвеобильный человек. Другие мужчины относятся к его хобби терпимо, не конфликтуют, как ты.

– Он, что же, всем сотрудницам, как и тебе дарит французские духи «Шанель№5», «Опиум», «Дюна» и косметику? Это сколько же надо получать денег. Только матерый коррупционер, взяточник способен на такие затраты. Я поручу начальнику ОБХСС заняться этой персоной.

– Не знаю, дарит или нет? – ответила она. – Повремени со своим ОБХСС, не усугубляй ситуацию. Мы еще с одной проблемой не разобрались.

– Согласен. Но имей в виду, что принимая от него дорогие подарки, ты обрекаешь себя на зависимость и ответную благодарность. Сама знаешь, какой самый желанный подарок для мужчины, чего он от нее добивается? Знойного тела, интима. Это лишь глупцы считают, что «в СССР секса нет», откуда тогда младенцы берутся.

Стоит, хотя бы один раз проявить слабость и ты окажешься его любовницей, по сути, наложницей и заложницей своей доверчивости и легкомыслия. В случае отказа, он станет угрожать и шантажировать. Не упоминай в моем присутствии его имени, и все, что подарил, золотой перстень, серьги, духи, косметику, немедленно возврати, чтобы в нашей квартире от него духу не было.

Она на это категоричное требование ничего не ответила, а супруг продолжил:

– Ты говоришь, что другие мужчины проявляют терпимость к тому, что он пристаёт к их женам. Проявляют лишь потому, что боятся его высокой должности и мести. Но тебя он теперь будет обходить десятой дорогой. Если пропишут костыли или инвалидную коляску, то станет к бабам равнодушным, а значит неопасным.

– Не будь циником. Любой человек, оказавшийся в беде, заслуживает помощи и сострадания. Это же в твоих интересах, чтобы Александр Петрович...

– Я просил не называть его имя, – прервал он.

...чтобы он быстрее выздоровел и встал на ноги, – закончила она предложение. – Лишь тогда удастся замять скандал, избежать наказания. Чем бы ни завершилось эта история, нам придется отсюда уехать. «Доброжелатели» и завистники не дадут нам житья. Я не смогу свободно пройти по улице, не услышав проклятий и оскорблений.

– О перемене нашего места жительства позаботиться начальство. В их интересах, чтобы я и этот бабник находились подальше друг от друга. Либо его или же меня переведут в другой город или райцентр.

– Соглашайся на переезд, начнем жизнь с чистого листа, – попросила жена.

– От меня выбор уже не зависит, я человек подневольный, живу по приказам.

Несмотря на внешнее примирение, они все-таки ощутили отчужденность, словно между ними пробежала черная кошка. Брачное ложе осталось неразделенным, холодным, а ночь бессонной, обуреваемой тревожными ожиданиями.

Утром из райкома партии поступила телефонограмма о срочном вызове гражданина В. Г. Калача к первому секретарю обкома партии товарищу В. С. Макарецу к 15.00.

9. Персоны в обкоме

Просторный, без учета комнаты отдыха и санузла кабинет первого секретаря обкома партии, площадью не менее 50 квадратных метров, был расположен на втором этаже пятиэтажного здания, почти в центральной части Симферополя. Впоследствии, когда на улице Карла Маркса, 18, было возведено шестизэтажное здание в архитектурной форме шестигранника, метко названное «пентагоном», обком (реском) партии справил новоселье, а старое, еще сталинской постройки здание, отдали под краеведческий музей. Ныне в «пентагоне» обитает парламент – Государственный Совет Республики Крым.

Итак, окна в кабинете секретаря обкома были защищены от яркого солнечного света новинкой того времени – серебристо-белого цвета жалюзи. Через них проникал ровный и мягкий свет, создающий благоприятные условия для работы и размышлений над задачами и проблемами строительства развитого социализма, а затем и коммунизма. У тыльной стороны, примыкающей к комнате отдыха, стоял массивный письменный стол с прибором, настольной лампой и материалами для текущих дел. Посередине помещения длинный полированный стол и по его сторонам ряды мягких стульев, предназначенных для заседаний и совещаний.

У правой, противоположной от окон, стены книжные шкафы с томами полного собрания сочинений В. И. Ленина, трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, несколькими книгами «Ленинским курсом» и брошюрами «Малая земля», «Возрождение», «Целина» Л. Брежнева. По соседству выставлены издания статей М. Суслова, В. Щербицкого, других членов Политбюро, материалы съездов КПСС, КПУ, партийных конференций и пленумов, другая общественно-политическая литература.

Под потолком в центре лепного орнамента бронзовая люстра со светильниками, на паркетном полу мягкий ворсистый палас умиротворяющего зеленого цвета. На приставном столе гирлянда разноцветных телефонных аппаратов. А над кожаным креслом портреты Ленина и Брежнева в маршальском мундире с четырьмя золотыми звездами героя.

За столом, на котором лежали папки с оперативной информацией и несколько свежих номеров газет «Правда», «Известия», «Труд», «Крымская правда» и журнал «Коммунист», восседал хозяин кабинета – Макарец. Лет пятидесяти от роду, выше среднего роста, плотного телосложения, с благородными, можно сказать, аристократическими, чертами лица с высоким лбом.

– Виктор Сергеевич, в приемной товарищи Добрич и Калач. Вы назначили им встречу на 15.00, – сообщила секретарь.

– Пригласите, – велел он. Спустя несколько секунд дверь открылась, в кабинет вошли среднего роста, коренастый генерал-майор и высокий, статный, косая сажень в плечах, майор. Калач с тревогой взглянул на хозяина кабинета. Тот в темно-синем костюме-тройке, белой сорочке с галстуком и золотым зажимом с алой капелькой рубина, сидел в кожаном кресле. Его мрачный вид не предвещал ничего хорошего.

– Здравия желаю, Виктор Сергеевич! – приветствовал Добрич.

– И вы, будьте здоровы! – сухо ответил Макарец и жестом пригласил. – Проходите поближе. Товарищ генерал, присядьте, а вы...

Первый секретарь метнул суровый взгляд в сторону офицера и промолвил:

– Язык не поворачивается назвать вас товарищем. Хотя и говорят, что в ногах правды нет, но постойте. Невелика шишка, еще успеете вволю насидеться...

Не ожидавший такой встречи, Вячеслав Георгиевич опешил. А слова о том, что еще успеет насидеться, давали понять, что от суммы и от тюрьмы не следует зарекаться, что дело намного серьезнее и драматичнее, чем он предполагал.

«Теперь от Макареца зависит, будет ли возбуждено уголовное дело по факту избияния Слипчука, суд и наказание за злостное хулиганство или умышленное причинение тяжких телесных повреждений, – с горечью подумал он. – Независимо от того, по какой из этих статей будут квалифицированы его действия. Наказания с лишением свободы не избежать». Майор с побледневшим лицом замер у торца длинного стола, а Добрич, смутившись, присел на стул

– Что же вы, Вячеслав Георгиевич, позорите высокое звание коммуниста и офицера советской милиции? Среди бела дня, как разбойник или диверсант устроили разборку? И с кем? С ответственным работником райкома партии, идеологом, почитай, вашим начальником по партийной линии? В здравом рассудке ли вы? На кого подняли руку и не просто руку, а с жезлом? Это равнозначно нанесению удара ножом в спину или выстрелу из обрезка. Стоило бы сорвать погоны, но велика честь. Не хочу мараться. Это сделают ваши начальники, их много, начиная с министра МВД...

– Виктор Сергеевич, я все объясню, – вклинился он в шквал этих порицающих вопросов. – Я намеревался мирно без истерики поговорить со Слипчуком, но он проявил гонор, полез в драку, поцарапал мне щеку и разодрал нос. Хлынула кровь, я чуть не захлебнулся, – Калач указал на нос с едва заметными следами ранения. – Конечно, у меня выиграла кровь. Не мог я струсить, дать деру. Какой бы я после этого был бы начальник милиции, ведь это происходило на глазах водителей. Мой шофер Михаил Трошин готов подтвердить тот факт, что Александр Петрович первым перешел в рукопашный поединок...

– Не лги, у Слипчука не было причин для агрессии, – осадил майора Макарец.

– Александр Петрович пребывал под градусом, слабо контролировал свои действия, – возразил офицер. – Наверное. ему моча в голову ударила, решил покачать права, показать, кто в районе хозяин. Не на того напоролся.

– Это тебе, ревнивцу, моча в голову ударила! – повысил голос Виктор Сергеевич. Калач решил изменить тактику и покался:

– Признаю свою вину, что не сдержался, эмоции, гнев меня захлестнули. Но тому есть веская причина. Александр Петрович, вместо того, чтобы заниматься идеологией, соблюдать моральный кодекс строителя коммунизма, создавать условия для укрепления семьи – ячейки общества, настойчиво приставал к моей жене Ларисе Юрьевне, склонял ее к интимной близости. Несмотря на предупреждения, продолжал ее преследовать любовными посланиями, соблазнял дорогими подарками...

– Он, что же разрушил ячейку или от вас ушла жена?

– Не ушла, но могла уйти, если бы я решительно не пресек его домогательства. Это же типичная аморалка, которая не красит облик и поведение коммуниста, тем более идеолога, обязанного служить нравственным примером для других.

– Вячеслав Георгиевич, не вам судить, аморалка или знаки внимания, проявленные к вашей жене в рамках приличия, – одернул его Макарец.

– Слипчук грубо преступил эти рамки.

– А вы преступили закон. Полагаю, что вы знакомы с творчеством Шекспира, его гениальными трагедиями?

– Знаком, интересуюсь классической литературой и искусством, – отозвался майор, догадываясь, куда тот клонит и не ошибся

– Прочитайте еще раз трагедию о ревнивце Отелло и Дездемоне. Очень поучительное произведение.

«Они со Слипчуком, будто сговорились», – подумал Калач, а Макарец продолжил:

– Чрезмерная ревность – страшное чувство, оно ослепляет человека, лишает здравого разума. Вот и вас попутал этот бес.

– Александр Петрович меня спровоцировал. Посчитал, что коль он секретарь, то все позволено. Он и к другим красивым, молодым женщинам неравнодушен...

– Назовите, кто к ним равнодушен? – спросил секретарь обкома и сам же ответил – Разве, что импотент. Конечно, отношения должны строиться на взаимном уважении, любви, симпатиях и согласии. Если Слипчук был неприятен вашей супруге, навязчив, то почему она сама или вы, не сообщили в обком партии или областную партийную комиссию? Мы бы объективно во всем разобрались, конфликт не перерос бы в жестокое избиение.

– Поймите, я не желал никого вмешивать в свои семейные дела, чтобы все, кому не лень, не полоскали постельное белье, – признался начальник милиции. – Поэтому и провел воспитательную акцию.

– Лариса Юрьевна об этом вас попросила? Может у них настоящая любовь? Мы не вправе вторгаться в их личную жизнь?

– У него и без нее хватает любовниц. Лариса – гордая, предпочитает самостоятельно решать возникшие проблемы.

– В таком случае, не было острой необходимости для «разбора полетов» со Слипчуком. После вашей «воспитательной акции» Александр Петрович, находится в столь тяжелом состоянии, что не смог приехать на эту встречу. А хотелось бы от него услышать оценку ваших действий. Но он, пока что нетранспортабельный. Если не будет улучшения, то вертолетом доставим в Симферополь или Киев. Неизвестно, к каким тяжелым последствиям приведут увечья.

Тем не менее, моему помощнику Льву Платоновичу Гнедому, посетившему Слипчука в стационаре районной поликлиники, удалось взять у него объяснение. Пострадавший считает, что не было серьезных причин, лишь косвенные, для такого дикого выяснения отношений. По законам военного времени вам бы светил трибунал с вынесением высшей меры.

«Такие аналогии не сулят снисхождения, – подумал Калач. – Похоже, малой кровью отделаться не удастся. Хотя это и корбит, но придется покаяться, ведь повинную голову меч не сечет».

– Виктор Сергеевич, я полностью осознал свою вину, – опустив голову, произнес он. – Обещаю, что сделаю для себя выводы, исправлюсь. Готов понести наказание, но прошу оставить меня на службе в органах МВД, на любой должности.

– Поздно ты осознал. Сколько раз мне приходится слышать «виноват, исправлюсь», – посетовал он. – Это идентично поговорке о том, что зарекался кувшин по воду ходить. Ревность – чувство врожденное и только человек волевой с твердым характером способен его контролировать, иначе лучше оставаться закоренелым холостяком.

Добрич, соблюдая субординацию, не вмешивался в диалог. Понимал, что скоро и самому предстоит держать ответ, поэтому обдумывал наиболее оптимальную тактику.

После затянувшейся паузы, Макарец велел Калачу:

– Выйди-ка, подожди в приемной. Я поговорю с твоим доблестным генералом.

Вячеслав Георгиевич понял, что иронически сказанное, «доблестный генерал», лишь подчеркнуло, что разговор будет нелицеприятным.

«Перепадет из-за меня и генералу, – с огорчением подумал он. – Заварил кашу с этим любвеобильным бабником. Ни себе, ни другим нет покоя». Когда за майором закрылась тяжелая дубовая дверь, пристально глядя на Добрича, упрекнул:

– Алексей Павлович, почему о ЧП я узнаю не от тебя, а от генерала комитета госбезопасности? Решил не выносить сор из избы, чтобы не запятнать честь мундира?

– Виктор Сергеевич, я мне самому об этом инциденте доложили за полчаса до вашего вызова. Проверял достоверность информации и замешкался. Впредь обещаю оперативно информировать о резонансных происшествиях.

– Что будем делать с этим Отелло?

– Очень неприятный инцидент. Погорячился он, дал волю рукам. Не исключая, что Слипчук по неосторожности или специально чем-то оскорбительно-обидным и унижительным

его спровоцировал. Ну, и как говорится, сила есть ума не надо, потерял контроль. А ведь Калач перспективный работник. Жаль, если судьба и карьера пойдут под откос...

– Защищаешь свое ведомство, честь мундира? Логично. Я бы на твоём месте также бы поступил, – усмехнулся первый секретарь обкома.

– В защиту бездельника и неуча я бы слова не сказал, а у Калача настоящая милицеевская хватка. Одни из лучших показателей в оперативно-розыскной и следственной деятельности, высокий процент раскрываемости преступлений, – привел аргументы Добрич в расчете на снисходительность Макальца, от решения которого теперь многое зависело в судьбе его подчиненного.

– Личность человека измеряешь цифрами, показателями, процентами. Наверное, позабыл, что партия осуществляет подбор кадров на руководящие должности, в том числе и в органы МВД, по политическим, деловым и моральным качествам, – напомнил Виктор Сергеевич. – А мораль, нравственность человека я ставлю во главу угла. Люди оценивают коммунистов, а тем более руководителей, по их поведению и поступкам. И тот факт, что твой «перспективный работник» на долгое время вывел из строя моего ответственного партработника, бойца идеологического фронта, тебя, наверное, не тревожит?

– Конечно, тревожит. Виктор Сергеевич, я и сам от его проступка не в восторге. Думаю, что причиной является усталость, нервные перегрузки, вот и сорвал злость на Слипчуке, – с досадой произнес генерал-майор. – Категоричность, резкость и грубость обусловлены тем, что Калач непосредственно сам занимается оперативно-розыскными мероприятиями, участвует в рейдах по охране общественного порядка, то есть служит по принципу: делай, как я. Это исключительно важно для воспитания и укрепления дисциплины личного состава. Между нами говоря, вашему ответственному работнику еще повезло, что Калач не ударил его по голове, иначе бы умом тронулся.

– Так уж и повезло? Он может до конца жизни остаться инвалидом,

– Виктор Сергеевич, в США и западных странах полисмен в случае угрозы его жизни вправе без предупреждения стрелять на поражение. А у нас следует сначала выстрелить в воздух, а преступник тем временем может всадить пулю в лоб или нож в спину. Многим сотрудникам подобная ситуация стоила жизни. Такая вот нелепая гуманность.

– Ты что же мечтаешь о временах, когда костоломы из НКВД и ГПУ были выше партии и многих товарищей сгноили в застенках или в лагерях ГУЛага?

– Виктор Сергеевич, не утрируйте. Вы же отлично понимаете, что прошлое безвозвратно, время не зависит от воли и желаний человека, оно беспристрастно и необратимо, – напомнил генерал

– Слипчук – не преступник, даже потому, что не он инициатор выяснения отношений. Почему твой майор вышел на дорогу с жезлом?

– Чтобы остановить авто.

– Для этого есть инспектора ГАИ.

– И без наличия у майора жезла Александр Петрович, узнав Калача, остановил бы машину. А жезл твоему ревнивцу потребовался в качестве орудия. Все признаки злого умысла. Майор заранее подготовился и спровоцировал поединок. Это скандал! Два должностных лица, словно пьяные грузчики, сцепились из-за бабы. Неужели Слипчук так увлекся его благоверной, что потерял голову?

– Не знаю, но дыма без огня не бывает, – ответил генерал. – Вы могли бы об этом спросить у майора.

– Еще для полной радости мне не хватало рыться в их грязном белье.

– И все же Вячеслав Георгиевич, как мужчина и офицер, постоял за честь своей жены.

– Прямо таки герой, Пушкин, который стрелялся с Дантесом на дуэли, хоть орден или медаль вручай. Хватило ума, что не схватиться за пистолет. Устал, расшатаны нервы! Детский

лепет. У нас тоже нервная работа, однако, не устраиваем мордобой. Избиение человека, а тем более партийного работника, не может служить оправданием. У каждого из нас напряженная нервная работа, однако, не даем волю своим звериным инстинктам, не распускает руки, тем более по отношению к ответственным партработникам, – возразил первый секретарь обкома и, чуть понизив тон сообщил. – По информации Гнедого, полученной в больнице, в крови Слипчука был обнаружен алкоголь.

А вот Калач не был обследован, но я не сомневаюсь, что и он пребывал под «градусом». Ты насчет пресечения пьянства в своих рядах закрути гайки, а то ведь на этой почве и другие ЧП не за горами. Мы, в отличие от тебя, провели служебное расследование и выяснили, что Слипчук употреблял коньяк в обкомовском буфете.

С этого дня я запретил продажу спиртных напитков в партийных и государственных учреждениях. Позаботься, чтобы и в твоём ведомстве не было «вольницы», групповых застолий по случаю очередных званий и должностей, а то в пьяном угаре перестреляют друг друга.

– Насчет этого порока у нас строго, потому что я и сам не почитатель Бахуса, веду здоровый образ жизни. А что касается инцидента, то надо найти оптимальное решение, чтобы он не получил широкий резонанс в прессе и не лег черным пятном, не только на репутацию милиции, но и областной партийной организации, ее руководителя.

Следует учесть тот факт, что у моего министра Щелокова очень сложные отношения с Андроповым. Если мы дадим делу ход, то есть по всей строгости накажем Калача, то чекисты раздуют вселенский пожар. Пострадает авторитет не только Николая Анисимовича, но и репутация крымской, а в целом советской милиции. Представьте, какую богатую пищу мы дадим нашим идеологическим противникам, враждебным радиостанциям. Поэтому, на мой взгляд, нецелесообразно, даже глупо подливать масло в огонь.

– Защищаешь честь мундира, – усмехнулся Макарец.

– Не только свою. Вы бы на моем месте точно так же поступили бы.

– Давай не будем загадывать на кофейной гуще, без этих, если бы, да кабы. Для меня эта история тоже чревата неприятностями, – промолвил Виктор Сергеевич. – Надо принять такое решение, чтобы и овцы были целы, и волки сыты, свести последствия, негатив до минимума.

– Лучше всего спустить это ЧП на тормозах, замять.

– Пожалуй, генерал, ты прав. Разумно и глобально мыслишь, Алексей Павлович. Мой помощник Лев Платонович, у него голова, что дом советов, тоже убежден, что нет дыма без огня. Он – прирожденный дипломат, хитрый лис, все выпытал у пострадавшего. Выяснил, что между Слипчуком и Ларисой все-таки были симпатии, он мечтал овладеть ею. Еще тот ловелас, Дон Жуан.

Не исключено, что Калачу она все же изменяла. В таком случае, следуя логике, майор должен был бы поколотить жену, а не только ее любовника. Ведь в народе недаром говорят: «Если сука не захочет, то кобель не вскочит».

– Не поколотил, наверное, потому, что очень любит, рука не поднялась. Она у него тяжелая, словно из чугуна. Если бы вздумал «проучить» и супругу, то трагедии не миновать.

– Пожалуй, судя по его телосложению, силой не обижен.

– Виктор Сергеевич, на мой взгляд, Слипчук отчасти тоже виноват в инциденте. Мог бы обуздать свои страсти, однако посчитал, что для него не существует запретов.

– За это он уже сурово наказан. Эх, даже маленький скандал, а ведь соперники из мухи раздуют слона, может подмочить мою безупречную репутацию с непредсказуемыми последствиями, – посетовал Макарец.

– Ни для которого не секрет, что Крым является летней резиденцией Леонида Ильича и других членов Политбюро, поэтому они ревностно и по партийной, и по линии КГБ, отслеживают поведение ваших обкомовских работников. Не исключено тайное прослушивание теле-

фонных аппаратов и разговоров в кабинетах, – сообщил Добрич. – Но пусть эта информация останется между нами? Я не должен был вам об этом говорить.

– Благодарю за откровенность и доверие, – отозвался первый секретарь обкома, а генерал продолжил. – Поэтому крымскую парторганизацию доверяют самым идейно убежденным, испытанным в деле кадрам. Должность первого секретаря вроде трамплина для роста карьеры. Отсюда путевки в большую политику получили Лутак, Кириченко, Курашик и другие товарищи... Поэтому информация об инциденте, попав на самый «верх» может стоить вам должностей и карьеры.

– Да, такие последствия вполне вероятны, – призадумался Виктор Сергеевич. – Мне вспомнился один весьма поучительный случай, который произошел в Киеве на пленуме ЦК КПУ. В перерыве первый секретарь Советского сельского района, из соображений этики, не стану называть его имя, выпил в буфете граммов сто пятьдесят-двести коньяка и «осмелел» до такой степени, что в кулуарах вступил в диалог с первым секретарем ЦК КПУ Владимиром Щербицким о проблемах животноводства в своем районе. Щербицкий, в отличие от Брежнева, обожающего «Зубровку», с неприязнью относится к любителям горячительных напитков.

Он попросил «смельчака» представиться и, когда, тот назвался, сказал: «Не знаю такого секретаря райкома». Его помощник зафиксировал эти слова. Едва тот возвратился в свой район, как состоялось бюро, а затем и заседание комитета, освободившего его от должности. Благо предложили заурядное кресло начальника районного управления оросительных сетей, а вскоре он преставился.

Или другой случай. Двое журналистов из городской газеты «Керченский рабочий», получив солидный гонорар, так увлеклись дегустацией крепких напитков, что оказались в медвытрезвителе. Им бы смириться с этим казусом, но, как говорится, полезли в бутылку, стали размахивать удостоверениями и качать права, угрожать работникам милиции. Кто такое потерпит.

Этот случай получил широкий резонанс, попал в доклад Щербицкого. В результате журналисты были уволены из редакции. Но еще долго на конференциях, совещаниях, пока кто-то не «отличился» в другой области, за уши вытаскивали эти факты. Неприятно было слушать, когда из-за нескольких человек, совершивших проступки, страдает политическая и деловая репутация партийной организации, ее руководителя.

Я это к тому, что нам нет резона поднимать шум по поводу инцидента. Пусть, как говорят, и овцы будут целы и волки сыты. А ты после этого случая меньше покровительствуй Калачу, не давай поблажек, а то с ногами заберется на плечи. На время служебного расследования отстрани ревнивца от обязанностей начальника, лиши права ношения табельного оружия. От греха подальше. А то ведь взбредет в голову застрелить Слипчука, жену или сам сведет счеты с жизнью. Контролируй и строго спрашивай за работу.

– Ясно, Виктор Сергеевич, будет сделано. Теперь мне понятно, почему в партийной среде популярна присказка: «Макарец – мудрец», – польстил генерал.

– Я слышал и другую: «Макарец – удалец», – не без гордости сообщил Виктор Сергеевич. – Приятна такая характеристика. Но боясь, что, как о Василии Ивановиче Чапаеве, начнут сочинять и травить пошлые анекдоты.

– Для этого, по меньшей мере, надо стать героем гражданской войны и иметь такого летописца, как Дмитрий Фурманов, который бы прославил...

– и ославил, – на свой лад продолжил первый секретарь обкома и признался. – Чтобы не потерять друзей, а соперников превратить в союзников или нейтрализовать, я следую принципу: не навреди себе и другим. Однако некоторые завистники не ценят добрых порывов моей души, суют палки в колеса, норовят подложить свинью, напакостить.

– У меня тоже недругов хватает, но я уверен, что победит не сильный, а умный, – изрек Добрич. – Коль мы сошлись во мнении, то предоставим Калачу последний шанс на исправление. Если сурово накажем, уволим из органов МВД по отрицательным мотивам, то сразу же

встанет вопрос о лишении специального звания, что является прерогативой министра МВД СССР или СССР.

Тогда информация обязательно дойдет до Щелокова, Щербицкого и министра МВД Украины Гладуша. Председатель КГБ Юрий Андропов постарается ее использовать в противоборстве с Николаем Анисимовичем. Вот как далеко с непредсказуемыми, но тяжелыми последствиями, может зайти дело.

Докатится и до Брежнева, которому при его слабом здоровье лишние волнения и переживания противопоказаны. Неизбежно нашествие разных комиссий, что парализует работу и, как итог, полетят не только погоны. Виктор Сергеевич, нам это с вами надо? – поставил вопрос и сам же ответил. – Нет и еще раз нет, потому, что из вышестоящих и партийных, и милицеских инстанций последуют оргвыводы с неизбежными взысканиями. Они могут сыграть свою зловещую роль в карьере при рассмотрении наших кандидатур на более высокие должности.

– Алексей Павлович, вы – стратег, – похвалил Макарец. – Хорошо разбираетесь в тайнах бюрократической машины.

– Жизнь всему научит.

– Надо бы предупредить нашего генерала госбезопасности, чтобы не информировал, свое начальство в Киеве и Москве о ЧП, – первый секретарь обкома тут же по телефону прямой связи позвонил начальнику управления КГБ и попросил:

– Николай Иванович, не давайте ходу информации об инциденте Калача со Слипчуком. Сами разберемся и строго накажем нарушителей.

– Так точно, Виктор Сергеевич! – согласился генерал, памятуя, что благодаря протекции Макареца занял высокую должность и вскоре получил генеральские погоны, мундир с лампасами.

– Что будем делать с майором?

– Я размышлял об этом. Переведу его в другой районный отдел милиции.

– На какую должность?

– Естественно с понижением, но на командную, не рядовую, должность. Он все же майор с высшим юридическим образованием, – произнес Добрич.

– Добряк ты, однако, а нужна твердая рука.

– Когда надо, пускаю в дело кнут, – возразил генерал. – Но сейчас лучше мягкий вариант. Он будет возможен, если потерпевший Слипчук не обратится с заявлением в прокуратуру или в партийную комиссию о факте избиения. Если будет возбуждено уголовное дело, то уже на стадии следствия я вынужден буду ходатайствовать об отстранении Калача от должности начальника милиции. А при аресте и осуждении неизбежно увольнение из органов внутренних дел. Такой печальный пасьянс.

– С Александром Петровичем проведена соответствующая беседа, – сообщил Макарец. – Несмотря на ненависть к обидчику и жажду мести, он здраво рассудил, что не в его интересах устраивать судебный процесс, который обязательно привлечет внимание общественности и средств массовой информации, газет, телевидения, информагентств, радио. В процесс будут втянуты женщины, ведь причиной конфликта, пусть даже косвенно, является интимные отношения и ревность. Поэтому писать заявление в прокуратуру и комиссию партийного контроля он не намерен. А вот по партийной линии Калач получит взыскание.

– Насколько оно будет строгим? Спрашиваю не ради праздного интереса. От этого зависит назначение на ту или иную должность? – пояснил начальник УВД облисполкома.

– Я не экстрасенс, не астролог, – усмехнулся Виктор Сергеевич. – Решение за членами комиссии партийного контроля.

– Благодарю за понимание и разумный выход из сложной, нештатной ситуации, – произнес Добрич, поднимаясь со стула. – Не смею отнимать у вас драгоценное время, злоупотреблять доверием.

– Алексей Павлович, проработай, пропесочь ревнивца, как следует. Пусть смирит свою горячую кровь и пыл. Предупредите, что при повторном инциденте пощады не будет. За уголовные деяния загремит на нары.

– Может его пригласить, чтобы не томился в приемной?

– Нет, достаточно общения. Лишь из-за наших добрых, доверительных отношений я сделал снисхождение. К тому же нецелесообразно публично выносить сор из избы на потеху нашим конкурентам и завистникам. Сделаем это осторожно и аккуратно. Ничто не должно подмочить репутацию партийных органов и тружеников нашего благодатного края, – подвел черту под разговором первый секретарь обкома.

Макарец искренне, а не ради приличия, крепко пожал руку генерала и Добрич вышел в приемную, где его поджидал сумрачно-озабоченный Калач. Они вышли в коридор и Алексей Павлович сообщил:

– Гроза миновала, но ты не слишком обольщайся. Охлади свой пыл, я за тебя отвечаю головой и погонами. Слипчук вроде бы не намерен раздувать скандал, заявлять в прокуратуру. Но он страдает от увечий и поэтому подвержен перемене настроений. Вдруг решит, что на его карьере крест и задастся целью тебе отомстить. Обратиться в ЦК партии или в газету «Правда» и тогда большой скандал гарантирован. В случае следствия и суда твои шансы на оправдание ничтожны.

– Я в этом не сомневаюсь, – отозвался Вячеслав Георгиевич.

– Поэтому води себя максимально осторожно, тихо. Не вздумай напиться и учинить очередную глупость. Во второй раз на мой спасательный круг не рассчитывай. Я тоже не всесильный, с трудом убедил Виктора Сергеевича в том, что ты глубоко сожалеешь об инциденте.

– Спасибо, товарищ генерал, Алексей Павлович. Я ваш должник, – положила руку на сердце, произнес майор.

– Хотя на чужой роток не накинешь платок, но постарайся пресекать среди сотрудников отдела слухи и наветы об этом случае, – велел начальник УВД. – Мы должны блюсти авторитет советской милиции и каждого ее работника.

– Так точно, товарищ генерал! – ответил Калач. Шум вокруг инцидента вскоре затих. Вячеслава Георгиевича освободили от должности, по партийной линии объявили выговор и, благодаря протекции Добрича, перевели на службу в Джанкой.

10. Перед сложной дилеммой

Об этой драматической истории я узнал, спустя пятнадцать лет после возвращения со службы в органах МВД в журналистику. Узнай я о ней перед тем, как сделать выбор, возможно, не стал бы менять профессию. Хотя и не жалею, ведь знания и опыт, приобретенные за четыре года работы в милиции, расширили диапазон моего литературного творчества. Кроме публицистики, лирической прозы и поэзии, я сосредоточился на создании остросюжетных, взятых из жизни, произведений: детективных романов, повестей, рассказов и судебных очерков.

До службы в милиции, активно сотрудничая с работниками правоохранительных органов: прокуратуры, милиции, суда, готовил статьи, репортажи, интервью на темы законности и правопорядка. Как правило, в немногочисленных по составу редакциях районных и городских газет, хотя и существуют отделы партий жизни, экономики, сельского хозяйства, культуры и писем, корреспонденты отличаются универсальностью, то есть умением писать статьи на любые темы и оперативностью в подготовке материалов к публикации.

Поэтому, работая заместителем редактора горрайонной газеты «Заря коммунизма» опубликовал цикл статей под рубриками «Пьянству – бой!», «Из зала суда», «На весах Фемиды», «Человек и закон» и другими. Заголовки статей «С путевкой в ЛТП», а также «А поутру они проснулись» (название позаимствовал у Василия Шукшина, написавшего одноименную повесть), их содержание привлекли внимание читателей. Очевидно, одним из них оказался начальник городского отдела внутренних дел (ГОВД) майор Калач.

К тому времени в городе произошла реорганизация горрайонного отдела внутренних дел (ГРОВД) на два самостоятельных отдела: городской и районный. Первый из них возглавил Калач, а второй – майор Скакун.

Появились вакансии на командные должности. Вячеслав Георгиевич пребывал в поисках кандидатуры на должность заместителя отдела по политико-воспитательной работе, то есть замполита. Должность номенклатурная, требующая согласования в горкоме партии и горисполкоме совета депутатов трудящихся и многие кандидатуры были по разным причинам отклонены. К тому времени я, проработав десять лет в редакциях газет «Приазовская звезда», «Слава труду» и «Заря коммунизма» в должностях от старшего литературного сотрудника до заместителя редактора, став членом Союза журналистов СССР, зарекомендовал себя умелым, перспективным журналистом.

В один из солнечных апрельских дней в кабинет уверенно вошел мужчина крепкого телосложения, широкоплечий под два метра роста. На нем плотно сидел мундир с погонами майора, на круглой голове фуражка с красным околышем и блестящей кокардой. Лицо монгольского типа слегка рябоватое, нос, как у боксера приплюснутый, волевой подбородок.

– Добрый день, Вадим Андреевич! – переступив порог, приветствовал он и представился. – Начальник городского отдела милиции Вячеслав Георгиевич Калач.

– Добрый день, товарищ майор! – отозвался я, поднявшись со стула. Еще до представления узнал в нем начальника милиции, так как наши пути нередко пересекались на совещаниях в райкоме партии, либо в горисполкоме. Калач, благодаря своей комплекции был заметной, колоритной фигурой. Его боялись не только рецидивисты, мелкая шпана, но и чиновники, у которых было рыльце в пушку. Называли «пожарной каланчой», с которой все видно, поэтому злодеяния и аферы не скроешь.

Я обратил внимание на его почти двухметровый рост и туфли с тупыми мысами, наверное, 46-го размера. Жестом предложил ему присесть:

– Слушаю?

– Вадим Андреевич, я внимательно слежу за вашими публикациями, особенно о работе правоохранительных органов, – произнес он. – Пишите честно, толково со знанием дела. Лако-нично и главное профессионально и убедительно. Я и сам в школьные годы мечтал стать жур-налистом, пробовал писать заметки, сочинял стишки, неплохо получалось.

Но романтика милицейской службы, навеянная кинофильмами о доблестной милиции, захватила и пересилила. Хотя до назначений на руководящие должности сотрудничал с редак-циями районной и ведомственной газет, удостоился чести быть принятым в Союз журналистов СССР. Дорожу удостоверением, подписанным председателем правления Союза журналистов, главным редактором газеты «Правда» Афанасьевым и значком. Если не ошибаюсь, мы с вами коллеги?

– Не ошибаетесь, почти десять лет состою в Союзе журналистов, – признался я и не удержался. – Мечтаю вступить в Союз писателей СССР.

– Что же мешает?

– Прежде, чем обратиться с заявлением, надо издать не менее трех книг прозы или поэ-зии, получить положительные рецензии и рекомендации признанных писателей, – пояснил я. – Конкуренция высокая, отбор тщательный.

– Вадим Андреевич, я уверен, что служба в милиции поспособствует осуществлению мечты. Предлагаю перейти на работу под наши знамена на должность замполита? Убежден, что не пожалеете, почерпнете богатый материал для творчества. Наладите сотрудничество с журналом «Советская милиция», газетой «Советский милиционер» и другими изданиями. Я знаю немало примеров, когда ранее неизвестные литераторы, благодаря службе или сотрудни-честву с милицией, стали известными писателями. Те же Юлиан Семенов, Анатолий Безуглов, Юрий Кларов, братья Вайнеры...

– С творчеством у меня и сейчас нет проблем. Во время срочной службы в армии сотрудничал с редакциями газет Краснознаменного Одесского военного округа «Защитник Родины» и областной «Южная правда», с местными периодическими изданиями «Днестров-ская правда» и «Победа», а ныне с областными изданиями.

Вопрос в другом, смогу ли справиться с обязанностями замполита? – озадачился я его неожиданным сомнением, поначалу решив, что майор принес статью для печати или же решил дать интервью.

– Сумеете, не Боги горшки обжигают. Судя по статьям, знания у вас есть, а опыт – дело наживное.

Я уже намерен был отказаться от заманчивого предложения. Меня вполне устраивала избранная профессия, дающая не столько материальное, сколько моральное удовлетворение. Это испытал на себе каждый человек, ощутивший радость творчества, магию печатного слова, особенно поэзии и литературно-художественных произведений.

Словно предугадав мои сомнения, офицер попросил:

– Не торопитесь с ответом, выслушайте до конца.

В знак согласия я кивнул головой.

– Конечно, как высокообразованному человеку, предлагаю вам не рядовую, а руководя-щую должность заместителя начальника, то есть меня, по политико-воспитательной работе. Для других, чтобы получить подобное назначение требуются стаж службы в органах внутрен-них дел и диплом Ленинградской высшей школы милиции МВД СССР, специализирующейся на подготовке кадров замполитов. Но для вашего утверждения достаточно будет рекомендации горкома партии, поскольку образование, полученное в Одесской высшей партийной школе, соответствует основным требованиям к кандидату на замещение вакансии.

Для человека с бойким пером, служба в милиции, знания и опыт откроют большие возможности для творчества. Это, как у Максима Горького станет для вас «университетами

жизни». Не побывав в гуще событий, он никогда не создал бы пьесу «На дне», роман «Мать» и другие произведения. Или я не прав?

– Вполне согласен. Многие личности, прежде, чем стать знаменитыми писателями, овладели множеством профессий, прошли суровые испытания и, лишь накопив знания, опыт и впечатления, сумели создать талантливые произведения, – подтвердил я.

– Совершенно верно, – вдохновился майор. – Есть и другие аргументы в пользу перехода на службу в милицию. Во-первых, высокая зарплата, не менее 300 рублей в месяц, а у вас она, я навел справки в горкоме, чуть больше 200 рублей. Во-вторых, при выслуге в 25 лет, с учетом срочной службы в армии, вы уйдете на пенсию в 53 года. Но при желании и, если не подведет здоровье, можете продолжить исполнение обязанностей. В-третьих, вам будет присвоено офицерское звание и есть шанс дослужиться до полковника, а после учебы в Академии МВД и до генерала. Чем черт не шутит.

И после паузы продолжил:

– Я и сам мечтаю дослужиться до генерала. Как говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но мне больше нравится изречение о том, что в ранце каждого солдата лежит жезл маршала. Эти наставление и к милиции относится, хотя прежде в НКВД генералов величали комиссарами. Для достижения заветной цели придется поступить в Академию МВД.

Для сотрудников милиции, благодаря заботе нашего министра, генерала армии Николая Анисимовича Щелокова, гарантированы и другие привилегии и льготы. Бесплатное обмундирование, парадная форма, обувь, а это экономия средств на одежде и обуви. Медицинское обслуживание в ведомственной поликлинике, оборудованной новейшей диагностической и лечебной аппаратурой, обеспечение дефицитными лекарствами, бесплатные путевки в санатории, пансионаты и дома отдыха, а для детей в пионерские лагеря, в том числе в «Артек» и «Орленок».

Кроме того бесплатный проезд в общественном транспорте и ежегодный во время отпуска проезд в вагоне СВ в любой уголок страны. Где только за время службы не побывал? Само собой разумеется, в музеях Москвы и Ленинграда, Киева, Минска, Риги, Таллинна, отдыхал на крымских и кавказских курортах, а также в Юрмале... Романтика, идиллия, красивые женщины, море, дюны, янтарь... Довелось рыбачить на Волге и Байкале. Масса самых приятных и ярких впечатлений. Если бы не служба в милиции, разве бы смог без затрат на проезд путешествовать?

– Вряд ли. Мне, как журналисту, остается лишь мечтать, – подтвердил я.

– Вот именно. В прошлом году вместе с семьей совершил вояж на Дальний Восток, побывали на Курилах, купались в гейзерах, – сообщил он. – Помолодел, окреп душой и телом. В свои тридцать девять лет чувствую себя на тридцать. Удалось подлечить радикулит.

– Радикулит? – удивился я.

– К сожалению, прицепилась эта болячка, – вздохнул майор. – Я ведь не сразу стал начальником милиции. Начинал карьеру с самой нижней ступеньки. После службы в армии работал милиционером в ППС, то есть в патрульно-постовой службе, закончил Одесскую среднюю специальную школу милиции, получил офицерское звание, был участковым инспектором, мотался на мотоцикле К-750 по селам в холод, дождь и зной. Тогда простудился, заработал радикулит. Вам не придется гонять на мотоцикле или УАЗе, к услугам моя служебная «Волга».

Я кивнул в знак благодарности, а Калач продолжил:

– Несколько лет прослужил в уголовном розыске. Заочно окончил Киевскую высшую школу МВД и после этого карьера пошла на подъем. Вам повезло, не придется упорно добиваться признания. Сразу на высокую должность, о которой другим остается лишь мечтать. Видите, все аргументы в пользу службы в рядах доблестной милиции.

– Да, заманчиво, но полагаю, что следует трезво оценить свои способности и возможности, не ставить заоблачные, а реальные, достижимые цели. Иначе потом при крахе надежд наступит глубокое разочарование, – заметил я.

– Для карьеры важны деловые связи, наличие влиятельных покровителей и счастливый случай, удачное стечение обстоятельств. Как говорят, чтобы повезло оказаться в нужное время в нужном месте.

– Это похоже на азартную игру в лотерею, покер, рулетку или лото?

– А наша жизнь и есть игра, театр, а мы актеры, как говорил великий Шекспир. Правда, мне с фамилией не повезло. Будет звучать забавно, потешно, генерал Калач. Сразу на ум приходит крендель, пирог и прочая выпечка. Хотя есть и более нелепые фамилии, например Пончик, Пампушка, Бублик... Для генеральского звания не солидно, словно погоняло. Другое дело Живцов, значит, очень живучий, стойкий...

– Фамилию, как и родителей, не выбирают, а наследуют, – заметил я. – У вас вполне нормальная фамилия. Вблизи Волгограда есть город с таким названием. Может в вашу честь...

– Я не вождь, чтобы моим именем называли города, – усмехнулся майор. – Конечно, фамилию можно было бы поменять на такие звучные и именитые, как Орлов, Соколов, Кузнецов... Тем более, что у меня под рукой паспортный стол, но это неуважение к родителям, даровавшим жизнь, поставившим меня на ноги.

– Абсолютно с вами согласен, – поддержал я. – Человека ценят не по фамилии, а по его достоинствам, порядочности, честности, благородным поступкам. Если он жулик, аморальный тип, то даже самая звучная и красивая фамилия не спасет от осуждения и презрения людей, к которым он проявил подлость, коварство, причинил боль и страдания. Поэтому Вячеслав Георгиевич, не акцентируйте внимание на фамилии, главное – достоинства и добродетели личности, способность к самокритике, признанию и исправлению ошибок.

– Спасибо, просветил, – то ли всерьез, то ли с иронией произнес майор. – На перспективу имейте в виду, если меня двинут на повышение, то передам вам бразды правления ГОВД. Благодаря генералу Добричу мое мнение в УВД ценят. Работники кадровой службы возражать не посмеют, знают насколько я влиятельный.

– Но у меня нет юридического образования? – признался я. – Конечно, в ВПШ изучал основы законодательства и права, но этого недостаточно, к тому же, наверняка, найдутся более подготовленные со знанием и опытом претенденты на будущую вакансию.

– Ничто и никто не помешает вам при желании получить второе высшее образование в Киевской высшей школе МВД или в Харьковском юридическом институте. Если увлечет профессия следователя, то в Волгоградской высшей следственной школе. Кстати, в нашем отделе успешно трудится выпускник этого вуза старший следователь Владимир Щукин, – ответил Калач. – В-четвертых, будучи моим заместителем, вы скорее улучшите свои жилищно-бытовые условия. Знаю, что с семьей обитаете в однокомнатной квартире.

– Верно, вы очень информированы.

– На то и милиция, чтобы многое знать о гражданах, – усмехнулся Вячеслав Георгиевич и продолжил аргументацию. – В городской очереди много льготников, чиновников, ветеранов войны, инвалидов. У нас больше шансов для получения нового жилья. Через год-полтора введем в строй жилой дом, возведенный хозспособом. Проявите себя, отличитесь на службе и справите новоселье. Это я вам гарантирую. Кстати, если в квартире нет телефона, то его установят оперативно вне очереди?

– Спасибо, редактор позаботился, – отозвался я.

– По службе офицеру полагается табельное оружие – пистолет Макарова и противогаз, ведь милиция считается вооруженным отрядом народа для борьбы с преступностью и обеспечением правопорядка. Пожалуй, этой информации для окончательного принятия решений, пока что достаточно?

– Достаточно, – сказал я.

– С ответом поторопитесь, не откладываете в долгий ящик, – посоветовал он. – Претендентов на эту должность, в том числе из аппарата горкома партии и горисполкома, немало. Но честно признаюсь, мне канцеляристы и карьеристы не по нутру. За ними непременно тянется густой шлейф интриг, козней, сплетен, отравляющих климат в коллективе в ущерб плодотворной работе. Партийные функционеры слишком амбициозны и строптивы, а в милиции надо выполнять приказы. Не каждому чиновнику это по нутру.

– Меня же вы соблазните карьерой? – поймал я его на слове.

– Да, но я признаю карьеру, достигнутую по заслугам, а не благодаря острым локтям и протекции влиятельных покровителей, – пояснил начальник милиции. – Сам с нетерпением жду направление на учебу в Академию МВД. Вот тогда откроется прямой путь в генералы, на высокие должности. А пока, хоть лбом о стену бейся, а выше полковника не подняться. У меня есть шанс продолжить учебу лишь при начальнике главка Добриче. У него и фамилия соответствующая, щедрой души человек. Он ценит меня, как профессионала, всегда готов поддерживать, поэтому проблем не возникнет. Не дай бог, если кто другой придет на место генерала, то делу – труба! Начнет продвигать вперед своих людей, такова система.

– Так ведь руководителя ценят по результатам работы, – заметил я.

– Не всегда, деловые, дружеские связи имеют большое значение. Покровители выполняют функции локомотива для своих людей. Так было, есть и будет впредь.

– Круговая порука?

– Нет, сплоченная общей целью команда, – возразил майор. – Вас тоже готов принять в свою команду. Не пожалеете, интересная работа для настоящего мужчины. Вам доверяю, как журналисту, честному, энергичному, эрудированному с высоким творческим потенциалом.

– В журналистике без этого нельзя.

– В милиции, юриспруденции тоже. Эти профессии сродни друг другу.

Мы обменялись визитками и крепким искренним рукопожатием.

Не ведая, а возможно, навел справки, майор наступил на мою «любимую мозоль». Дело в том, что еще в школьные годы, увлекшись поэзией Сергея Есенина и Александра Блока, пробуя перо, кропая стихи, я мечтал поступить в Литературный институт имени М. Горького, единственный на весь Советский Союз. Однако после окончания десятого класса не отважился на этот вуз. В тот же год, едва стукнуло восемнадцать, был призван на действительную срочную службу в армию, сотрудничал с армейскими изданиями.

А после демобилизации устроился литературным сотрудником в районную газету «Приазовская звезда». По-прежнему, заочно обучаясь на отделении журналистики Одесской ВПШ, завидовал студентам Литературного института и помышлял об учебе на Высших литературных курсах. Но не сложилось, увлечение стихосложением и прозой превратилось в хобби.

«Конечно, Калач прав, без богатого жизненного опыта, тонких наблюдений и ярких впечатлений, знаний в разных сферах человеческой деятельности более-менее серьезных произведений не создашь. А тем более остросюжетных романов, повестей, рассказов без знания криминалистики, дактилоскопии», – подумал я, посчитав это основным аргументом в пользу выбора.

Спустя пять минут, когда я пребывал в размышлениях о неожиданном, но весьма заманчивом предложении, взвешивая «за» и «против», в кабинет вошел редактор Артем Сальков. Наверняка, кто-то из сотрудников редакции сообщил ему о визите начальника милиции.

– Вадим, зачем к тебе приходил начальник милиции? Может у тебя какая проблема, так я помогу уладить? – спросил редактор.

– Консультировался насчет подготовки статьи о профилактике квартирных краж, – ответил я, поначалу решив до поры до времени не раскрывать карты.

– Странно, обычно он мимо моего кабинета не проходил, а на сей раз инкогнито? – посетовал Артем Дмитриевич.

– Очень торопился, опаздывал на совещание.

– Куда уж там торопился, не меньше получаса с тобой провел, – усмехнулся редактор. – Что-то ты недоговариваешь, темнишь? Как правило, он заходит ко мне и просит срочно напечатать. Что-то ты наводишь тень на плетень? Давай статью, поставим в номер, а то в секретариате на материалы голод.

– Увы, статья еще не готова, – развел я руками и раскрыл «карты». – Он агитировал меня на службу в милицию.

– Так и знал, что Вячеслав Георгиевич доберется до редакции, – вздохнул Сальков. – И какую должность он тебе посулил?

– Заместителя по политико-воспитательной работе, а, если, кратко, то замполита.

– Не хило, – заметил редактор. – И ты, конечно, согласился?

– Пока воздержался, да и он не настаивал на быстром ответе.

– Вадим Андреевич, – редактор перешел на официоз. – Это, как раз тот случай, когда говорят: не в свои сани не садись. Чтобы адаптировать в том ведомстве, надо иметь твердый, волевой характер, а ты по натуре либерал, свободный художник, зависящий от настроения и вдохновения. Очень сложно будет перестроиться на новый лад и режим работы.

– Не Боги горшки обжигают.

– Убежден, что служба в милиции негативно отразится на твоей судьбе и характере. Такой резкий поворот для творческого человека трагичен. Огрубеешь, ожесточишься, ведь придется иметь дело с не лучшей частью общества. Ты наделен литературными способностями, а значит и прекрасными перспективами для успешной карьеры на этом поприще.

– Для достижений и признания в литературе одних способностей недостаточно, – возразил я. – Необходимы знания и опыт в разных сферах жизни, в том числе специфики деятельности милиции, КГБ, прокуратуры, судов, чтобы иметь материал, основу для творчества.

– Набьешь ты себе на новом месте немало шишек, испортишь биографию, свой послужной список, – прогнозировал редактор. – Это только в кинофильмах, телесериалах и книгах о милиции все представляется романтично и гладко, а жизни сотрудники милиции исполняют функции ассенизатора, очищают общество от пороков и так, называемых, деклассированных элементов, убийц, насильников, воров, пьяниц, проституток... Вот с какой, далеко не лучшей частью общества, тебе придется иметь дело. Твои обязанности чтением лекций не ограничатся, придется нести службу, дежурить, участвовать в рейдах, рисковать здоровьем и даже жизнью.

– Для безопасности, спокойствия и благополучия людей кто-то и этой черновой, рутинной работой должен заниматься.

– Придется жить по уставу и приказам. Мне известно, что рабочий день в милиции не нормирован. Могут по тревоге поднять с постели в любое время суток. Рискнешь пострадать от нападения преступников.

– Этот риск существует для каждого, – парировал я его довод.

– Офицер милиции больше подвержен угрозе нападения, ради захвата оружия и мундира.

– За нападение на представителя власти, в том числе работника милиции, в Уголовном кодексе предусмотрено более суровое наказание. Матерые преступники, рецидивисты об этом знают, поскольку, пребывая на зоне, изучили статьи УК, поэтому в исключительных случаях осмеливаются нападать на милиционеров, – пояснил я.

– Какое он тебе прочит звание?

– Раньше времени некорректно было спрашивать, ведь я еще не дал согласие.

– Отговаривать больше не буду. Ты не зеленый мальчишка, но я бы на твоем месте, так круто не менял профессию. Жаль потерять столь плодовитого журналиста. Думаю, что и другие сотрудники редакции, особенно, ответственный секретарь, будут сильно огорчены.

– Все течет, все меняется, – напомнил я слова философа. – Да и с редакцией я не собираюсь порывать связи. Может быть, иницирую ежемесячный выпуск тематической страницы «Правопорядок» или «Именем закона», что больше вам понравится.

– Судя по ответу и планам, ты уже свой выбор сделал в пользу милиции, – с досадой произнес Артем Дмитриевич.

– Возможно, возможно, но сохраняю плацдарм для маневра, ведь не исключены форс-мажорные ситуации. Есть желание попробовать себя на новом, необычном поприще. В журналистику никогда не поздно будет возвратиться. Хотя из нее невозможно уйти. Продолжу сотрудничать с периодическими изданиями, в том числе МВД.

– Останется ли у тебя времени на творчество, вот в чем проблема? Ведь, как я понял, тебе придется отвечать за политическое и моральное состояние личного состава, конкретно за каждого милиционера. Взвалишь на свои плечи и погоняешь ответственность за ЧП, нарушения дисциплины и другие деяния, совершенные твоими подчиненными. Постоянно будет за чужие грехи доставаться на орехи. Это, пожалуй, сложнее, чем работа в угрозыске, следствии или ОБХСС.

– Взялся за гуж, не говори, что не дюж, – ответил скорее себе, чем редактору, в качестве утешения. С грустным видом он вышел из моего кабинета. И его настроение, тревога передались мне. Исподволь, думая о перспективах, я надеялся, что служба в милиции, близкое знакомство со спецификой работы ее сотрудников, особенностями взаимоотношений, подвигнут на создание колоритных персонажей остросюжетных произведений по мотивам конкретных преступлений и происшествий. Это в конечном итоге и перевесило чашу моих аргументов в пользу милиции.

На второй день, дабы не изводить себя размышлениями, не «перегореть», я позвонил Калачу и сообщил:

– Вячеслав Георгиевич, я согласен на ваше предложение.

– Благодарю за правильный выбор. Я не сомневался, только глупец мог отказаться от такого предложения, – бодро ответил майор. – Теперь вам предстоит пройти несколько необычных процедур: медицинскую комиссию в поликлинике УВД, тестирование на оценку интеллекта, собеседование с одним из заместителей начальника УВД, курирующего работу с кадрами. Кстати, вам за границей приходилось бывать или может там проживают родственники?

– Дальше Крыма, Молдавии, где служил, Москвы, Волгограда, Одессы и некоторых других городов не был, родственников за пределами СССР нет, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.